

Kara no Kyoukai: The Second Homicide Inquiry

境界式

<u>Пролог.....</u>	<u>5</u>
<u>Второе расследование убийства – 1.....</u>	<u>9</u>
<u>/1.....</u>	<u>15</u>
<u>Второе расследование убийства – 2.....</u>	<u>19</u>
<u>/2.....</u>	<u>27</u>
<u>Второе расследование убийства – 3.....</u>	<u>33</u>
<u>Второе расследование убийства – 4.....</u>	<u>40</u>
<u>/3.....</u>	<u>43</u>
<u>/4.....</u>	<u>46</u>
<u>Второе расследование убийства – 5.....</u>	<u>49</u>
<u>/5.....</u>	<u>53</u>
<u>Второе расследование убийства – 6.....</u>	<u>57</u>
<u>/6.....</u>	<u>63</u>
<u>/7.....</u>	<u>65</u>
<u>Второе расследование убийства – 7.....</u>	<u>70</u>
<u>/8.....</u>	<u>73</u>
<u>Граница пустоты.....</u>	<u>76</u>

*Лишь наши замороженные вздохи играли между нами,
Пока мы слушали, как наши сердца замедляют свой стук.*

*Скоро все дорогие и хранимые воспоминания
Станут простыми сожалениями, слабыми и готовыми растаять.*

*Даже воспоминания о дожде:
Бесконечной серой завесе, виденной после школы.
Даже воспоминания о закате:
О классной комнате, горящей оранжевым огнем.
Даже воспоминания о снеге:
О белой ночи первой встречи и черном зонте.*

*Рядом со мной ты улыбнешься, и этого будет достаточно,
Чтобы моя душа успокоилась, хоть буйной она была.
Рядом со мной ты будешь идти, и этого будет достаточно,
Чтобы пропасть между нами исчезла, хоть широка она была.*

*Однажды, в один миг,
Мы остановились в тени, теплый неподвижный свет пробивался сквозь листья.
И там ты, смеясь, сказал, что однажды мы будем стоять на этом же месте.
Эти слова я так долго желала услышать,
Но теперь это лишь мимолетные останки того дня.*

/Граница пустоты

Пролог

Первое февраля 1999 года.

Это начало последнего года тысячелетия и канун начала нового. И, как это всегда происходит в каждую обязательную смену знаков в измерениях времени, люди начинают цепляться за слова пророков и провидцев, будь то ради выгоды или из-за осмотического и заразного, медленно закипающего эффекта паники. Окутанный, как и город, этим почти ощутимым слоем искусственной угрозы также, как и значительно более заметной зимой, чья температура достигла нетипичных значений по сравнению с прошлыми годами, я, Микия Кокуто, решил провести ночь, гуляя вместе с Шики.

Зима в самом разгаре, и в эти дни солнце уже садится после пяти часов вечера, окутывая город ранней вечерней завесой. Мое дыхание превращается в белые облачка, и рядом со мной точно в таком же состоянии пребывает Шики. Мы оба очень стандартны (некоторые даже скажут *предсказуемы*) в выборе одежды. На мне темное пальто поверх свитера в паре с черными брюками. На Шики – голубое кимоно и кожаная куртка, завершают одевание массивные ботинки. Я давно отказался от попыток узнать, не холодно ли ей в этой одежде. Я всегда вижу ее в ней, с первой встречи три года назад. Жара и мороз оказывают на нее меньше влияния, чем на кого-либо другого.

Шики предложила встретиться меня по пути домой после работы, что она не так часто делает, и обычно у нее на это есть какая-то скрытая причина.

- Хорошо, давай начистоту. Это что-то действительно важное, если у тебя не хватило терпения дожидаться меня у себя. Для тебя редкость – потратить столько сил на то, чтобы приехать прямо к офису.

- Ничего, правда. Просто... в последнее время на улицах довольно опасно, так что я решила проводить тебя до дома.

Ее лицо мрачнеет, в то время как она окидывает глазами окружающую местность, ни разу не взглянув на меня. Нам в спины дует бриз, и кимоно Шики слегка развеивается.

Реги Шики всегда одевалась в этом стиле, с того самого дня, как я впервые встретил ее в старшей школе. Поэтому она всегда выглядит немного странно, но должен признать, что он хорошо подходит ее росту (около 160 см). Ее волосы обрамляют лицо, и всегда выглядят обрезанными так, чтобы заканчиваться на уровне воротника. Как и ее волосы, ее глаза имеют угрожающий черный цвет. И словно ради контраста, она всегда говорит настолько грубо, насколько пожелает, почти никогда не думая о следующем слове. При первой встрече это вводит людей в ступор. Сейчас она держит себя скорее величественно, чем красиво, даже когда идет и осматривает улицы, все еще частично омытая быстро отступающим солнечным светом.

Как будто хищник, вышедший на охоту.

- Шики, ты в последнее время ведешь себя как-то забавно.

- Так ли я забавна, если ты даже не смеешься?

Ее ленивому ответу недостает привычной энергии. Обычно она бросила бы на меня взгляд, только чтобы насладиться моим укоряющим взглядом, следующим за ее остротой, но сейчас ее глаза заняты чем-то другим. Ну, если она не в настроении для разговоров, так тому и быть. Я иду рядом с ней без единого слова. Шики ведет меня в направлении железнодорожной станции рядом с ее домом, которая в этот час должна быть битком

набита людьми. Однако путь туда вымер, словно сейчас полночь, и только мы с Шики идем по узким улочкам. Если бы не свет витрин и уличных фонарей, вы бы подумали, что случилась какая-то катастрофа. И для этого есть причина. Думаю, по той же причине Шики считает, что должна проводить меня домой.

Одиноким людям, гуляющим ночью, начали пропадать или умирать. Учитывая низкий уровень преступности в этом районе, это можно было бы списать на какую-то статистическую аномалию. Если бы не сходство с той зимой, три года назад.

В мой первый год в старшей школе город был в панике из-за серийного убийцы. Он появлялся лишь ночью и совершал жестокие ритуальные убийства без какой-то особой причины. Он убил семерых. Несмотря на многочисленные расследования и содействие СМИ, отчаянные попытки полиции поймать преступника провалились, они даже не смогли найти подозреваемых. Когда подходящие под шаблон убийства прекратились, было решено, что убийца остановился, и дело закрыли.

Первое убийство случилось приблизительно летом, четыре года назад, а исчез убийца зимой, три года назад. Я помню этот холодный февраль, когда я и Шики готовились перейти на второй год обучения. Это случилось сразу после того, как Шики попала в автокатастрофу и оказалась в коме. Что касается меня, я со временем окончил старшую школу и поступил в колледж, но уже через месяц я был исключен, а вскоре нашел работу у Токо-сан. Сама Шики вышла из комы прошлым летом. Для меня, все это дело с серийным убийцей было делом давно минувших дней.

Но думаю, что для Шики это не так. Для нее это было всего полгода назад. Недавние убийства подходят под жестокий шаблон четырехлетней давности, и новости по ТВ обыгрывают это как возвращение старого преступника, со всеми графиками и реконструкциями, которые следуют за такой высококачественной историей, словно новостные сети так и ждали, желая снова бросить обновленную историю зрителям. Я не могу не заметить, что с каждым днем Шики становится все мрачнее. Я только раз видел ее такой, три года назад, перед автокатастрофой.

Когда *Шики* Реги, все еще содержащая другую, мужскую личность **Шики**, рассказала мне, что она и была убийцей.

Станция, куда мы пришли, вселяет чувство нормальности, поскольку она заполнена обычным количеством людей. В отличие от жилого района, через который мы только что прошли, станция хорошо освещена и набита людьми, спешно двигающимися туда-сюда, и эта активность выливается в близлежащий коммерческий район. Одно из немногих мест по соседству, в котором убийца вряд ли рискнул бы действовать. И даже там чувствуется его влияние. То, как люди сбиваются вместе, словно в желании сомкнуть ряды, и легкое, но осязаемое, тщательно скрываемое касание страха на их лицах. Ночь лишь началась, и час пик гарантирует почти бесконечный поток людей.

Проходя по оживленной станции и пробиваясь через коммерческий район, мы проходим мимо магазина электроники, телевизор на витрине показывает вечерние новости.

Мельком взглянув на него, я уже знаю, чего ожидать: еще один репортаж об убийце. Хотя я быстро прохожу мимо, не уделяя ему внимания, Шики останавливается перед экраном, ее глаза сфокусированы на изображении. Я останавливаюсь рядом с ней.

- Микия, посмотри на это, - говорит Шики со сдвинутым смехом, - они называют его смертоносным чудовищем.

Она права. Написанная довольно большими буквами, украшенная знаком X, внизу экрана красуется надпись «Как начался путь смертоносного чудовища».

- Думаю, они решили, что просто «убийца» недостаточно напугает людей. Количество убийств уже перевалило за десяток, я знаю, но тебе не кажется, что они слишком гонятся за сенсациями?

Подняв бровь, Шики наконец-то смотрит на меня.

- Ну, да, это очевидно. Но я думаю, они в чем-то правы. Если кто и заслуживает звания чудовища, так это этот парень. Он хочет внимания, представления. Он рад ему.

Чудовищам редко нужна причина. Жертвы не узнают ее перед смертью. Потому нельзя назвать это убийством.

Она возвращает свое внимание к экрану, глядя на слабое изображение, отраженное в стеклянной поверхности витрины.

- Что ты хочешь сказать? – спрашиваю я.

- Резня и убийство очень различаются. Может, ты забыл, Кокуто? В жизни есть место лишь для одного настоящего убийства.

Она смотрит мне в глаза. Обычно она выглядит слегка отрешенной, почти сонной, как будто она смотрит на что-то далекое. Но теперь в ее глазах горит огонь, обращаясь к каким-то древним воспоминаниям.

- Одно настоящее убийство, - я позволяю моему голосу стихнуть. Я точно помню, что слышал что-то такое от нее, но когда? И где? Теперь, много позже того момента, я могу с сожалением обернуться назад. Может, если бы я тогда вспомнил, можно было бы избежать всего, что случилось потом.

- Забудь, - говорит Шики спустя несколько секунд. – Это неважно. В любом случае пошли по домам. Я только проснулась, так что если я не поем - не успокоюсь.

- погоди, ты только проснулась? А как же школа? Ты забыла, что сегодня понедельник или просто решила проспать ее?

На ее лице появляется озорная улыбка.

- Медленно, спокойно выдохни, - издевательски просит она. – Сегодня я была в школе. Я о послеобеденном сне. Я еще не говорила тебе, но мои оценки с ноября становятся все лучше. Да ладно, ну скажи, что ты удивлен.

Я киваю в искреннем изумлении. Ее оценки упали настолько же, насколько и посещаемость, и я беспокоился, что она не дотянет до конца года. Когда я киваю, она издает звук удовлетворения и засовывает руки в карманы куртки.

- Правильно, тогда мне полагается награда! – неожиданно объявляет Шики. – Азака хвасталась мне насчет фантастического ресторана, в который ты водил ее в Акасаке. И знаешь что? Я всегда хотела там побывать. Ох, *как же* я хотела ее убить в тот момент. То, что Шики отлично знает, что у нее есть нож и она умеет им пользоваться, внушает некоторое беспокойство. Прежде чем поинтересоваться моим мнением, она хватает меня за рукав и куда-то тащит. Я не уверен, куда именно, но судя по ее предыдущим комментариям, это Акасака, где половина моей зарплаты станет разбитыми мечтами и надеждами ради одного ночного ужина, и, видимо, я не смогу остановить ее. Я беззвучно ругаю Азаку за то, что она рассказала Шики, куда я водил ее в этот Новый год.

Ох, ладно, этим стоит насладиться. Все-таки у нас так давно не было настоящего свидания. По сути, последний раз оно было четыре года назад, в старшей школе, когда в ней еще жил парень **Шики**. Она напомнит мне о нем сегодняшней ночью, и не думаю, что я хочу знать, зачем она это сделала. Помимо отчужденности, которую я заметил, в ней не было ничего необычного.

Так мы начали февраль с дорогого обеда и ночной прогулки по городу, просто наслаждаясь обществом друг друга, как будто это последняя ночь, когда мы могли себе это позволить.

Второе расследование убийства – 1

Апрель 1995 года. Я встретил ее.

Прошла неделя с той ночи, когда я и Шики наткнулись на репортаж по ТВ. Кличка, которую журналисты дали убийце, смертоносное чудовище, в итоге приклеилась к нему, и в последнее время все ей пользуются. Даже Дайске Акими, мой дядя, который в пять утра сидит в моей скромной квартире, угощаясь французским тостом и листая утреннюю газету. Дата на газете – 8 февраля. К сожалению, за те шесть дней, в которые он получил прозвище «смертоносное чудовище», он забрал еще шесть жизней, по одной в день.

- Блин, им правда понравилось это прозвище? – комментирует Дайске. – Я думал, отдел договорился не разглашать так быстро имена убитых. Усложняет работу.

Если послушать его, можно подумать, что он обсуждает дело, которое его не касается, но все совсем наоборот. Он знает это дело как никто другой. Он был главой расследования три года назад, и, похоже, его начальство решило, что оно ему снова подойдет, как самому информированному офицеру из всех. И это вполне логично.

- Ты уверен, что это нормально - ничего не делать, Дайске? Сам посуди, я читаю первую полосу и вижу историю об убийстве этой ночью, – говорю я, не отрываясь от завтрака.

Лицо Дайске скрыто газетой, но я знаю, что он услышал меня.

- Я носился в поисках улик неделю, и каждый день новое убийство. Пусть силы самообороны этим занимаются. Даже мне в такое время нужно периодически отдыхать. Спасибо за завтрак.

Я смотрю, как он берет чашку с коф, и как затем она исчезает за газетой, после чего делает глоток и ставит ее назад. Все это почти стандартная процедура в случае его появления. Он делает перерыв на полчаса, читает газету, болтает и уходит. Когда я учился в школе, он приходил домой к моим родителям, а теперь посчитал правильным перенести эту традицию сюда.

- Уверен, что силы самообороны лишь испортят дело. Ты лучший детектив из имеющихся у полиции города.

- Эм, я бы не был так уверен в этом. Но в любом случае у любого человека есть пределы, и я почти уверен, что выкапывание из могилы дела трехлетней давности, чтобы преследовать ублюдка, пытавшегося раскрыть его, чертовски близко подходит к ним.

Он быстро закрывает и складывает газету, после чего продолжает:

- Боже, мне просто нужно поговорить об этом с кем-то не из полиции. Послушай, Микия, то, что я расскажу – это засекреченная информация, но я доверяю тебе. Не думай даже рассказывать твоим друзьям или семье, понял?

Я киваю. Хотя я бы и не подумал, чтобы позволить себе проболтаться об этом, он, очевидно, никогда не слышал историю о царе Мидасе и его ослиных ушах.

Он начинает:

- Так, как и в прошлый раз, это полный глухарь. Нет подозреваемых, нет мотива. Нет связей. Один слабенький свидетель за всю серию убийств последних семи дней. В прошлый раз нашими единственными зацепками были эмблема школы и кожа преступника, которые не совпали ни с кем из нашей базы данных. Но... ну, я не знаю пока что, но он может менять свою игру.

- Почему ты так думаешь?

- Ну, ты знаешь, он убивает горожан с прошлой осени. Мы не были уверены, что это он, так что СМИ не вцепились в эту историю, пока не начались убийства в этом году, когда он стал настолько небрежен. Особенно в последнюю неделю.

- Ты говоришь об оставленных уликах, - предполагаю я.

- Что странно, да? Мы не можем найти ублюдка четыре года, но теперь он решает сменить стиль? Неправдоподобно. Может быть, это просто подражатель.

- Но этого не может быть, - размышляю я вслух, вспоминая, что Дайске рассказывал мне четыре года назад. – Информацию о способе убийства не разглашали. Я это знаю лишь потому, что ты рассказывал мне. Если этот парень подражатель, то он не может точно знать, как нужно совершать убийства.

- Угу, я знаю, знаю, - отвечает Дайске с покорным вздохом. – Но мне интересно. Убийства четыре года казались мне в меньшей степени ритуальными и больше... напоминали кого-то, кто привыкает к тому, что может делать - и он решает поиграть, понимаешь? Тогда он, по крайней мере, оставлял тело. Сейчас...

Он прочищает горло и трясет головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее изображение, прежде чем продолжить.

- ...сейчас он просто оставляет оторванные руки и ноги. Если он пытается скрыть преступление, то зачем столько сил тратит на то, чтобы спрятать тело, но намеренно оставить конечности?

- Визитная карточка? Знак для полиции, по которому можно его узнать? Он играет с вами, - думаю я вслух.

- Да, я тоже думал об этом. Но конечности не выглядят отрезанными, это точно. Нет чистого разреза или даже следов многочисленных попыток отсечь их. Они выглядят так, словно были... оторваны или откушены.

Дайске улыбается и тихо смеется, мрачное выражение на мгновение исчезает.

- Не слышал сплетен о сбежавших крокодилах, Микия?

- Нет, - отвечаю я, рассмеявшись в ответ. – Но если услышу, ты его не получишь. Я оставляю его как питомца, просто чтобы позлить тебя.

Я пью свой кофе, температура которого наконец-то стала терпимой. Использую момент, чтобы скрыть свое выражение лица, в то время как мой разум отправляется на четыре года в прошлое... к Шики.

Четыре года назад Шики рассказала мне, что это она была убийцей. Но это не могло быть правдой. Я не могу поверить, что она могла кого-то убить. Не по-настоящему. Она никогда не была готова вонзить в кого-то нож. Я всегда верил в нее. Но, если это правда, то почему мой разум возвращается к таким мыслям?

- Свидетель, - быстро говорю я, как будто это поможет изгнать образ из моей головы. – Ты сказал, у тебя был слабый свидетель. Что насчет него?

- Да, прошлая неделя, происшествие в деловом центре, коммерческий район. Там всегда полно народу, так что убийце должно было быть сложно спрятаться, когда он делал это. Несмотря на то, что местом убийства была аллея, кто-то проходил мимо. Свидетель видел преступника, убегающего с места преступления, сказал, он был одет в кимоно. Вообще говоря, свидетель не смог сказать точно, был преступник женщиной или мужчиной. Как я и говорил, никому об этом ни слова.

Дайске дергает плечами и кладет голову на руку.

- Было бы неплохо, если бы у нас появился хоть кто-то подходящий для допроса. Начальство довольно сильно двинуто на идее поймать это «чудовище» и покончить с делом. Насколько я знаю, давление исходит из городского управления.

- Мобилизовали все силы. СМИ тоже становятся истеричными.

- Уверяю, это вернейший путь к стрессу. Должен поблагодарить тебя, Микия.

- За этим я здесь.

Даже когда Дайске делится новой информацией о том, что видел свидетель, я неосознанно возвращаюсь мыслями к Шики. Кто еще может разгуливать ночью по городу в кимоно? Мои пальцы, сжимающие чашку, на мгновение немеют, но затем я успокаиваюсь.

- Еще один вопрос, - говорит Дайске, понизив голос. – Микия, я знаю, что тебе известно немало информации о наркоторговле здесь, в Токио. Кто дает лучшее дерьмо, кто игроки, что сейчас популярно.

- Ну, может быть, - отвечаю я с сомнением. – В смысле, больше, чем обычному человеку. Но я уверен, у тебя есть люди из бюро наркотиков, которые знают намного больше меня. Он отмахивается от меня.

- Кучка старперов, играющих в понимание того, в какие игры сейчас ввязываются дети, и обманывающие себя верой в то, что подставные закупки – идеальный ответ. И я среди них.

Он издевательски хмыкает, прежде чем вытащить фотографию из кармана пальто и положить ее на стол так, чтобы я мог ее увидеть.

На фотографии видны две сумки с доказательствами, в одной что-то похожее на пачку марок, в другой – какая-то трава. Метки на сумках содержат слова «мескалин» и «ТГК»¹, рядом написано количество веществ, а ниже – цепочки поставок, которые я легко распознаю.

- Марки – кислота, да? А второе – марихуана, по-моему.

- Ну, похоже на марихуану. Судмедэксперт сказал, что содержание ТГК и хлорорганических соединений в траве крайне низкое.

- Значит, не марихуана.

Не подходит. Иначе в траве было бы высокое содержание ТГК, психоактивной субстанции.

- Видимо, это нечто более близкое к Тотиги сиро.

- И это?..

- Особо выведенный сорт травы, разработанный в Японии. Поскольку выращивание подобных растений у нас жестко регулируется правительством, у них очень строгие нормы по количеству ТГК в используемой траве. Это значение составляет 1%. Трава, которую выращивали в Японии, обычно содержала от 1.2% до 1.8%. И чтобы соответствовать новой политике, они разработали новый сорт, содержащий меньше ТГК, в Хиросиме, называемый Тотиги сиро. Естественно, это не остановило нелегальные плантации марихуаны или ее контрабанду из-за границы.

Дайске кивает, в его глазах видна характерная концентрация. Он слушает меня с неподдельным интересом.

- Так как эта картинка связана с делом? – спрашиваю я.

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BB>

- Почти все жертвы убийцы на прошлой неделе во время смерти имели это при себе, - объясняет Дайске. – Но что это дает? Может, то, что детишки балуются дурью по ночам, не так уж удивительно.

- Несправедливые обобщения не доведут до добра, Дайске.

- И потому меня интересует твое мнение. Ты знаешь обитателей улиц лучше меня.

- Честно говоря, я пока не могу ответить. Я не контактировал с уличными наркоторговцами уже полгода. Они могли сменить своих ребят, особенно те, кто продают кислоту. Они часто набирают свежие кадры, чтобы их не так легко было поймать. То же и с торговцами коктейлями.

- Коктейль – два наркотика, смешанных в одну дозу?

- Ага. Я слышал, сейчас популярны спидболлы: смесь кокаина с героином или морфием в одном шприце. Мощная штука. Очень опасная без надлежащего внимания.

Дайске сужает глаза.

- Ты подозрительно много знаешь об этом. Ты же ничего не употребляешь? – спрашивает он.

Хотя я почти уверен, что он не всерьез, я решаю ответить честно.

- А похоже? Если бы я был наркоманом, ты бы заметил это с первого взгляда. Меня довольно легко читать или, по крайней мере, мне так говорят. Я не стану пробовать наркоту. У меня просто есть... старый школьный друг, который много об этом знает.

- Ладно, ладно, я верю тебе, - говорит он примирительно и встает, хотя я замечаю, что он обратил внимания на то, как я засомневался перед произнесением имени Гакуто.

- В любом случае мне пора или начальство порвет меня на кусочки. Последний вопрос. Это антидепрессант или наоборот?

Я, вздыхая, с сожалением думаю о том, как мало этот так называемый детектив, мой дядя, знает о своей работе, несмотря на то, что занимается ей уже много лет.

- Это вопрос, на который даже люди из отдела наркотиков смогли бы ответить, но ладно. Неясно, что эта трава делает. Для одних это стимулятор, другие от него впадают в депрессию, у кого-то он вызывает галлюцинации. А на некоторых он просто не оказывает ощутимого эффекта. Другие наркотики были изучены и их эффекты документированы, но ТГК в этой траве остается единственной тайной.

- Хм, спасибо. Я парень по убийствам, а не наркотикам, так что всего о них не знаю, - говорит он, хватая и надевая свое пальто. – Но я обязательно вызубрю все это. Похоже, мне скоро могут понадобиться эти знания, если сия хрень продолжит попадаться у жертв. Возможно, этого будет достаточно, чтобы посмотреть на дело с новой стороны.

Он кратко машет рукой на прощание, я машу в ответ. Открывая дверь, он замечает шум дождя, атакующего крыши.

- Боже, снова гребаный дождь? – жалуется Дайске, выходя и закрывая дверь за собой.

- Просто хотел выговориться? – шепчу я себе.

Беседа с ним оставила мрачный след в комнате, и пока тоскливый рассветный свет пробивается через окно, я заканчиваю завтрак и чувствую внезапное желание взять выходной. Я быстро звоню Токо-сан и информирую ее об этом. Ее ответ краток:

- *Что бы ты ни планировал, успокойся.*

Она говорит это не просто как предложение, но как приказ. Прежде чем у меня появится шанс заверить ее в этом, я слышу гудки - она положила трубку. Она знает, что я намерен делать. Ее интуиция всегда поразительно точна.

Есть хорошая причина для моего выходного.

Я уже неделю не видел Шики.

На прошлой неделе каждый день происходили убийства, и с того самого момента она не возвращалась ни в свою комнату, ни в старый семейный особняк Реги. Я не могу связаться с ней, и никто из тех, кого я знаю, не видел ее. Не нужно быть гением, чтобы понять, чего она хочет.

Если смертоносное чудовище – тот же серийный убийца, что действовал четыре года назад, то Шики преследует его и ищет ответы. Но я даже не знаю, что за чудовище бродит по улицам. Но знаю, что воспоминания, связанные с личностью **Шики**, исчезли вместе с ним. Это значит, мы никогда не сможем узнать, виновна она в этих преступлениях или нет.

Может, я не тот, кто раскроет это дело. Но я слишком многое предам, если продолжу ждать. Исчезновение Шики предвещает нечто много худшее. Я чувствую это. И прежде чем это случится, я должен узнать правду. Я. Потому что это не чужие проблемы. И четыре года назад, и сегодня – это всегда были мои с Шики проблемы. Мы просто продолжали закрывать на них глаза, боясь столкнуться с ними лицом к лицу. И чтобы понять их, я должен начать расследование - не ради кого-то другого, но ради себя.

Я выхожу из дома, видя, как дождь укрывает все бесконечной серой завесой. Я раскрываю мой черный зонт и путешествую по местам преступлений прошлой недели. Достигаю места последней ночи, аллеи в одной из наиболее оживленных частей делового центра. Люди ходят по тротуарам, как будто ничего не случилось, стараясь не замечать аллею, в которой все еще стоят на страже полицейские, желтые полицейские ленточки растянуты поперек входа, и похожий желтый брезент укрывает всю аллею сверху. Сохранить сцену преступления на день, большего они не могут сделать. Я ухожу, направляюсь к другим местам преступлений, надеясь, что их охраняют меньше. К моему счастью, полиция забросила их, и я могу осмотреться без помех.

К моменту, когда я добираюсь до третьего места преступления, я едва замечаю, что большая часть дня прошла и приближается вечер. Если бы я попытался проверить и осмотреть все места преступлений, это заняло бы меня до глубокой ночи. Это бесполезно. Сцены преступлений открыты и потому почти наверняка испорчены если не городской жизнью, то продолжительным дождем. Но что я могу сделать без улики? Сейчас расследование – детский лепет, но прежде чем сделать шаг вперед, я должен удостовериться, что поискал под всеми камнями. Так что в компании лишь моего зонта, я направляюсь в аллею, запятнанную убийством.

Зимний дождь холоден, как лед, и он не останавливался ни на минуту. В этом месяце дожди всегда дарили мне особую меланхолию. Вот уже три года. Все-таки именно в этот месяц, три года назад, я потерял ее.

- Я... Я хочу убить тебя.

Очень ласковая улыбка.

Девушка в красном кимоно направляет на меня нож, поднимая его над моей шеей. В один ужасающе короткий момент *Шики* Реги подняла свой нож. Я, лежа на земле, не мог сделать ничего, кроме как смотреть в глаза надвигающейся смерти. Словно гильотина, лезвие ножа сверкнуло в дожде, когда она быстрым и точным движением опустила его на мою шею.

Но нож не пронзил ее и не нашел мою плоть, но был остановлен в дюйме или двух от цели.

- Почему? – шепчет *Шики* недоверчиво. Главная часть вопроса остается произнесенной.
Почему я не могу убить тебя?

В тот момент я почувствовал, что страх медленно утекает из меня, заменяется нарастающей жалостью к этой девушке, чье существование обретало смысл лишь в желании убийства и ее отвращении к нему. На мгновение я забываю дышать. Но это было счастливое мгновение.

Я увидел, как она посмотрела на свою руку, в ее глазах не было ничего, кроме злобы и презрения к своим действиям. Другой рукой она сжала руку с ножом, словно пытаюсь заставить ее действовать.

«В этот раз, - подумал я, - в этот раз все закончится».

Но нас прервали. Человек в черном плаще, похожий на монаха, приблизился к нам, появившись словно из ниоткуда. Одно его легкое движение, и *Шики* отлетела от меня, поднятая в воздух какой-то невидимой силой. Он заговорил:

- Дура. Этот слабак не станет тобой, - произнес он низким, измученным голосом.

Мужчина легко поднял меня. Казалось, это пробудило хищнический инстинкт в *Шики*, которая поднялась с мокрой от дождя земли и бросилась к мужчине с удвоенной энергией. В мгновение *Шики* оказалась рядом с ним, прыгнула, целясь ножом ему в лоб, и нанесла один быстрый удар.

Тонкая красная линия пробежала по его лбу, и медленно, словно песок, потекла кровь. Нанеся удар, *Шики* быстро пробежала мимо и отступила на позицию, где он не мог ее достать. Они смотрели друг на друга, высокий мужчина в черном плаще, кажется, практически не замечал, что он ранен. Развеселившись, он издал смешок.

- Ты испачкаешь руки даже ради меня? Тогда ты все еще бесполезна.

После этого мужчина взял меня за руку и побежал. *Шики* начала погоню. Но скорость мужчины была слишком велика, казалось, что мы летим. И мои ноги доказывали обратное, пытаюсь изо всех сил не отставать от него. Вскоре мы покинули земли особняка Реги, и только тогда он выпустил мою руку. Потом он посмотрел на меня так, словно хотел сказать, что если бы я пошел домой, все было бы намного безопаснее для меня.

- Слишком рано ломать ее, - пробормотал он, но даже его бормотание становилось низким ворчанием.

- Двойственность спирали конфликта всегда была ее предначертанным концом.

Сказав это, мужчина ушел и исчез спустя несколько шагов, будто позволяя теням окружающего бамбука поглотить его.

Асфальтовая дорога приглашающе расстилается передо мной, но за спиной я слышу быстро приближающуюся *Шики*. Я мог бы пойти домой. Я мог бы бросить ее. Но я предпочел быть с ней. Я все еще не знаю, был ли я тогда прав. Но в итоге она не смогла вонзить в меня нож. Я без сомнений обернулся на звук ее приближающихся шагов. И когда она догнала меня, на ее лице было удивление и замешательство. Потом обжигающая ясность. Мы обменялись словами, словами, которые невозможно забыть. Ее последняя фраза, обращенная ко мне, была...

- Если я не могу заставить тебя уйти... - сказала она под непрекращающимся дождем.

Вдали она заметила быстро приближающиеся фары машины. Она засмеялась. Слабый, горький смех.

- ...то я заставлю уйти себя.

Она побежала на середину улицы.

Машина быстро приближалась, и она бросилась под нее, ярко освещенная огнем фар. Даже сильный шум дождя не смог заглушить визг тормозов. Было слишком поздно. Все закончилось за мгновение. Девушка, упавшая на асфальт, походила не на *Шики*, а на безжизненную, холодную куклу. Сломанную и разрушенную. За всю свою жизнь я не видел более болезненного и печального момента. Ее глаза перед столкновением были полны слез – или это был просто дождь? И все же, даже увидев все это, я не смог заплакать.

Вечер приносит лишь больше дождя и меньше улик, чем я рассчитывал, но и это вполне соответствует моим ожиданиям. Сегодня ночью холодно, холоднее, чем в любую из прошлых ночей. Хорошо, что я взял с собой зонт.

Черный зонт... такой же, как тот, которым я пользовался в первую встречу с *Шики*. Той ночью она смотрела на небо, но казалось, не видела ни звезд, ни луны, как будто застыла на месте, и с миром все было в порядке.

/1

Май.

Я познакомилась с Микией Кокуто. Я знала, что он мне понравится, с первой встречи. Он говорил со мной, ничего не умалчивая и не колеблясь, с улыбкой, не расчетливой и не замышляющей. Он идеален...

- Снова дождь? – ворчу я, ища укрытия от нарастающей интенсивности ливня.

Звук капель дождя, падающих на крыши зданий, начинает усиливаться. К счастью, универмаг неподалеку предоставляет мне крышу над головой, и конечно, бак для зонтов снаружи оказывается и правда полезным изобретением. Я выбираю себе один зонт, дешевый, пластиковый, такой, что владелец вряд ли будет сильно по нему скучать. Однако моя цель потеряна. Сложно отслеживать запах крови, смешанной с дождем. И все же я ничего не выиграю, если буду тут просто стоять, так что я продолжаю идти. Сегодня восьмое февраля. Светает. Улицам недостает пешеходов и автомобилей, силуэты людей, с которыми я делю улицу, редки и немногочисленны. Даже моя собственная тень, созданная тусклыми огнями неоновых и флуоресцентных ламп, выглядит туманной иллюзией, едва различимой в дожде. Создав определенное расстояние между собой и щедрым универмагом, я останавливаюсь, чтобы осмотреть себя. У меня есть позаимствованный дешевый пластиковый зонт; мокрая и грязная кожаная куртка; неплохое кимоно, покрытое густой грязью по краям и на талии. Ну, вряд ли я могла рассчитывать на то, что буду чистой, проспав неделю исключительно в аллеях. Моя внешность это одно, но мой запах – это совсем другое. И блин, я пахну трехдневным потом.

- Сон вне дома *должен* прекратиться сегодня, - шепчу я себе, и то, как я говорю это, почти заставляет все выглядеть какой-то веселой игрой.

Я смеюсь, впервые за неделю.

Меня зовут Реги Шики. Как даосский термин *«реги»*, используемый, чтобы описать дуализм инь и янь. Да, моя семья странная, как и я сама. Когда-то я носила в своем теле иную личность, мужчину по имени **Шики**. То же произношение, другое написание. Он был привязан ко мне с рождения, убийственная личность, возвращенная странной династией. И с рождения я всегда знала удовольствие, которое он извлекал из мыслей об убийстве. Это была его страсть. Несколько извращенным путем это стало моей страстью, пока я сдавливала темный импульс внутри себя, убивая его снова и снова в попытке контролировать. Я убивала себя внутри меня, чувствуя и удовольствие, и боль. И так я жила, пародируя нормальную жизнь. Убийство определяло меня тогда если не буквально, то образно. Но его угроза была всегда, она скрывалась в глубинах моей души, искушала меня.

Когда я была ребенком, возможно, единственным, что меня сдерживало, были слова деда. Хотя мой отец без сомнений был Реги, он не унаследовал «благословения», как он называл его. И конечно, когда я родилась, гордости отца не было предела, и мой нормальный старший брат был лишен права наследования. Так что я была особенной с рождения. Всегда была одна, но никогда – одинока, всегда в компании другого **Шики**. Мы были одним, он и я, девушка и ее тень. Когда мне было шестнадцать и я еще боялась того, что была просто инструментом убийства, мой дед скончался. Как и я, он обладал «благословением». Но он никогда не мог полностью контролировать другого себя, и долгие годы он ранил себя, иногда очень мучительно, проклинал окружающих, отрицая, что это был он. Мне говорили, что он и его второе «я» постоянно менялись местами, так что люди забывали, кто у руля, и двадцать лет он был заключенным психбольницы.

Но в его последние часы он призвал меня к себе. В эти последние минуты со мной он вернул себе некое подобие разума и поделился единственными словами, которые оказались последними. Я никогда не забуду их. Он научил меня, что убийство – важная, великая и ужасная вещь чудовищной тяжести. С того дня, я думаю, я могла лучше понимать свое положение благодаря ему. И возможно, после этого я могла бы достигнуть имитацию жизни в полном одиночестве.

Пока я не встретила Микию Кокуто.

Когда я встретила его в старшей школе, это совпало с началом моего очень странного поведения. Было в нем что-то, что говорило мне: «В жизни не нужно прятаться, но ее нужно проживать». Я помню, как думала о том, что было бы лучше, если бы я не знала. Если бы он не был обещанием чего-то намного лучшего, чего-то, что я хотела и что могло меня уничтожить. Я не могла обманывать себя вслед за ним и не могла я обманывать **Шики**. Он разломал нас на части - и я, и **Шики** перестали понимать друг друга. Раньше я точно знала, что делала, когда мной управлял **Шики**, но потом он начал прятать это от меня, и я не могла вспомнить ничего из случившегося под его управлением. Я часто приходила в себя посреди ночи, а передо мной лежало омытое кровью тело, и я улыбалась. Я не знала, была ли я серийным убийцей или просто натыкалась на его работу. Во мне родилось сомнение.

Однажды Микия нашел меня посреди такой сцены, но он все равно поверил в меня и был уверен, что я не убийца. И тогда я решила, что его радость была просто невозможной мечтой, чтобы искушить меня. Между нами произошло столкновение. И потом автокатастрофа, приведшая к моей двухлетней коме.

Когда я проснулась, я обнаружила, что отличаюсь от прошлой себя в небольших, но важных деталях. Я потеряла **Шики**, моего верного спутника, забравшего с собой свою долю воспоминаний. Что касается моих собственных воспоминаний, они казались пустыми и расплывчатыми, как будто принадлежали кому-то другому. Я была пустой, как кукла. И с тех пор я пытаюсь наполнить эту пустоту в душе, которую оставил **Шики**, новыми вещами. Это, наверное, величайшая ирония, что парень, ответственный за успешное продвижение к этой цели - это Микия Кокуто. Тот же парень, который обратил меня в руины. Я больше не пустая кукла.

Но сейчас происходит что-то, что возвращает грехи прошлого. Я проснулась, и воспоминания **Шики** были для меня потеряны навсегда. Хотя я не знаю, была ли у него в моем мозгу достаточная автономность, но меня утешает мысль о том, что он забрал их из-за благих намерений. Для меня будет благословением забыть их, прожить жизнь, не обремененную виной. И по большей части он был прав. Но в последний Новый год кое-что случилось.

Я столкнулась, сразилась и проиграла магу, который против моей воли вернул мне потерянные воспоминания. И теперь... я помню все, что случилось четыре года назад. Как прошли мои последние мгновения перед автокатастрофой. Как я пришла к наиболее крайнему решению – попытке убить Микию Кокуто, мой нож уже висел над ним. Как я слонялась по улицам ночью, ища хорошее убийство. Я чувствую облегчение, осознавая, что это не я совершала серийные убийства. Но тогда это создает еще большую проблему: а кем *был* серийный убийца? Или кто он *есть*, если новости говорят правду и этот новый – тот же человек. Я все еще не знаю, кто он. Микия наверняка уже подозревает меня после моего побега. Блин, да по-моему, у него есть на это полное право. У меня очень темное прошлое.

Так что как и четыре года назад я блуждаю по улицам, преследуя смертоносного монстра, утяжеляющего каждый день улицы еще одним телом. И если я должна признаться себе, почему я это делаю, то причина очень проста. Зависть к его готовности вырвать жизнь. Зависть к искусности его умения. Ответы, если они есть. И конец для всего этого... надеюсь, в котором мы решим проткнуть друг друга. Мы, убийцы, одинаковые. Мы привлекаем друг друга, а потом проливаем нашу кровь.

В каком-то нездоровом смысле это забавно. Четыре года назад я знала, что это **Шики** получал удовольствие от мыслей об убийстве.

Но его же сейчас нет?

И все же привлеченная к деяниям смертоносного чудовища, я ищу его, чтобы забрать его жизнь.

Почему я не заметила этого раньше? Почему это заняло так много времени?

Шики думал лишь об убийстве, но никогда не действовал в соответствии с этой мыслью. *Теперь это делаю я. Теперь это мне нравится.*

Я останавливаюсь в отеле любви, где нет стола администратора, а комнаты выбираются и оплачиваются через машину. Лучше для анонимности их очень специфичных клиентов. Я помню, как Микия говорил мне, что если хочешь спрятаться от кого-либо, такие места будут лучшим выбором для начинающих, поскольку они не записывают твои данные.

Помимо этого, транзакции проходят очень быстро, что в целом лучше для меня.

Когда я добираюсь до своей комнаты, я быстро выскакиваю из одежды и забираюсь в душ. Мне уже некуда спешить. Покончив с этим, я ложусь на кровать. И хотя я не планировала спать, мои усталость и раздражение ослабляют хватку бодрости. Тут такая удобная кровать.

Я просыпаюсь в сильно потемневшей комнате, часы на столике показывают два ночи. А ведь только начинало темнеть, когда я добралась сюда, так что я проспала шесть часов. Комната освещена лишь лампой, и сухой электронный индикатор часов населен странными тенями.

- Черт, - тихо шепчу я, но в бесшумной комнате меня все равно слышно. Ругая себя за сонливость, я сердито передеваю в свою одежду. Это не сонливость мне так не нравится. Я была одна всего семь дней, так почему я настолько раздражена? Не прошло же *так* много времени?

- Не прошло, - говорю я себе, словно то, что я произнесу это вслух, хоть немного меня убедит. Я быстро покидаю отель, мои дела здесь закончены.

Чуть больше двух. Даже камень и бетон спят в это время ночи, но, конечно, полиция, выслеживающая смертоносного монстра, не может себе этого позволить. Они будут высматривать всех подозрительных, имея приказ задержать любого. В моей куртке они найдут много незаконных вещей, так что я к ним не сунусь. Подумав об этом, я ныряю в ближайшую аллею. Каждая улица сейчас под подозрением, и полиция наверняка отслеживает главные дороги, так что я не могу воспользоваться ими. Конечно, смертоносное чудовище тоже это знает, так что, как и оно, я следую по шоссе воров, проходящее через узкие пространства между зданиями. Надеюсь, мы встретим друг друга. Таков мой план. К сожалению, в аллеях можно встретить все виды людей кроме тех, которые вам нужны.

- Не торгаш, парень. Ищи кого-нибудь другого, - говорю я, выйдя на перекресток между аллеями.

Кто-то следует за мной в течение последних нескольких секунд. И теперь, на перекрестке, я замечаю еще больше парней, один впереди, двое позади. Я зажата между ними. Я смотрю на того, кто стоит передо мной. Медленные, неуверенные шаги. Лениво висящие руки. Слегка наклоненная голова. Глаза немного блуждают. Этот парень охренительно обдолбан. Я бросаю взгляд на остальных троих и вижу, что они не очень отличаются от первого.

- Ну, не могу сказать, что не предупреждала вас.

Они бросаются на меня одновременно, очевидно, что все это спланировано заранее. Я лезу в карман куртки, вытаскивая оттуда нож семь дюймов длиной. Вдыхаю перед началом представления.

- Ну, думаю, это хорошее лекарство от скуки. Вы хотите кайфа? Ладно. Мы все сегодня ночью получим свой кайф.

Может, они хотели быстро потрахаться. Может, хотели наличных на дозу. Может, им просто хотелось проломить несколько черепов. Грубо с моей стороны отказывать в предложении. По крайней мере, ненадолго я могу расслабиться, стать той, кем **Шики** хотел меня видеть, и потерять себя в момент кайфа.

Видя свою цель, они ускоряют шаг.

Второе расследование убийства – 2

Май.

Я должен снова о ней написать.

Я схожу с ума, когда вижу ее, пьянея от ее присутствия. Мои пальцы немеют, и я забываю дышать, лишь завидев ее. Можно от этого умереть? Мне нужно только взглянуть на нее, и она снова врывается в мой разум, подобно вирусу. Она вторглась в мою жизнь. Забралась глубоко, эта чудесно идеальная девушка из старшей школы. Я думаю, я влюбился. Я никогда не говорил с ней, никогда не слышал ее голоса. И эта пустота давит сильнее с каждым днем, так сильно, что я боюсь...

Девятое февраля.

Дождь прекратился прошлой ночью, и город снова приветствует свет дня, пусть и отфильтрованный облачно-серым навесом, который дождь оставил в качестве прощального подарка. Я не спал до поздней ночи, выискивая улики на местах преступлений, и так устал, что решил не идти домой, а остаться у моего старого школьного друга Гакуто, до которого мне было ближе. Хорошо, что он так легко ко всему привыкает. Даже сейчас, несмотря на недостаток сна, я не могу стряхнуть с себя традицию просыпаться с первыми лучами солнца, и, не имея иного занятия, я смотрю из окна на рассвет, медленно наползающий на город.

- Ты сегодня рано. Может, ты ждешь, что я приготовлю тебе завтрак?

Это Гакуто, проснулся и протирает глаза. Конечно, я откажусь от его вежливого предложения.

- Только в твоих самых странных снах. Кроме того, у тебя в холодильнике все равно пусто. Я не могу творить чудеса, знаешь ли.

- Ха, остер, как всегда, Микия. Время ломиться к соседям в поисках еды, - заключает он с зевком. Я смотрю, как он встает, чешет голову и смотрит на меня секунду, прежде чем скорчить мину разочарования. Потом, все еще сонный, он тянется к двери и снова медленно оглядывает меня, его глаза выглядят так, словно он только что увидел привидение.

- Ты в курсе, насколько ты сейчас бледный? – говорит он мне. – С тобой точно все нормально?

Хмурясь, я осматриваю себя в зеркале. Он прав. Я мертвенно бледен, как кукла.

- Не волнуйся. Пройдет со временем. Кислота действует от четырех до шести часов. Могу словить галлюцинации и случайную синестезию. Должно быть интересно.

- Однажды твое любопытство сведет тебя в могилу.

- Ну, пока не свело.

- Поживем – увидим, - улыбается он.

- Так ты настолько любопытен, что пробуешь то, чем промышляют в закоулках в эти дни,

- говорит он, осматривая остатки моей прошлой дозы. Несколько неиспользованных марок раскиданы по его столу. Я киваю.

- Траву можешь выкинуть. Кислоту... ну, я с ней закончил, так что можешь оставить, если хочешь. Она не вызывает привыкания, если ты хочешь об этом знать, и это определенно веселее жалких пародий на парки развлечений, которые у нас тут есть.

Я хватаю пальто, спешно брошенное прошлой ночью на кровать, и быстро надеваю его.

Сейчас семь утра, и город только начинает дышать. Я больше не могу прохладиться.

- Уже уходишь? Посиди еще, дружище. Ты даже стоять пока не можешь, не то что ходить, - говорит Гакуто.

- Не могу. Должен кое-что выяснить, - отвечаю я, удивленный тем, насколько слабо и хрипло звучит мой голос.

- Да ну? Что же?

Я указываю на телевизор.

- Посмотрел утренние новости. Похоже, прошлой ночью за отелем любви «Павильон»...

- Тот с высокими ценами для убудочных белых воротничков? – спрашивает Гакуто, перебивая меня.

- Да-да. Похоже, смертоносное чудовище прикончило несколько человек в аллее за ним. В этот раз получилось иначе. В новостях говорят, что жертвами стали четыре человека. Гакуто хмыкает, прежде чем включить телевизор. Как и предполагалось, сейчас идут утренние новостные программы. Содержание известно. Снова смертоносное чудовище, как раз о том, что я только что говорил Гакуто. Есть одна интересная деталь в этом репортаже, и это...

- Подозреваемый одет в кимоно? Как насчет этого? – спрашивает Гакуто, не отрываясь взглядом от экрана.

Я качаю головой, оставляя свой комментарий висеть в воздухе, продолжая идти к выходу из его квартиры. Хотя мне уже лучше, чем час назад, меня все еще трясет, когда я обуваюсь. Гакуто выходит проводить меня. Держа в руке две дозы, которые я оставил на столе, он начинает задавать вопросы.

- Каково это - принять оба сразу?

- Не могу сказать, что нечто блистательное. Получишь то же, что Гензель и Гретель. С этими словами я встаю и открываю дверь, помахав ему рукой на прощание. Я не оборачиваюсь посмотреть, помахал ли он в ответ.

Только выйдя наружу, на солнце, и закрыв за собой дверь, я начинаю чувствовать боль голода. Я не ел целый день. А жевание травы, несомненно, лишь усилило его.

Целый час уходит на то, чтобы добраться от дома Гакуто до сегодняшнего места преступления. Там все так, как и должно быть. Полицейские в синей форме удерживают периметр вокруг этого места, не позволяя никому подойти. И конечно, зеваки там же, пытаются получить свою долю необычного зрелища. Среди них и полицейских, блокирующих вход в аллею, я не могу увидеть ничего полезного.

Я думаю о том, чтобы пойти в отель «Павильон», но потом прихожу к выводу, что это пустая трата времени. Там не будет администратора, с которым я мог бы поговорить, а прочий персонал и вовсе откажется со мной разговаривать. И черта с два они покажут мне запись камер видеонаблюдения. В любом случае, даже если Шики останавливалась в этом отеле, сейчас там ее уже нет. Так что я решаю зайти с другой стороны.

Я разговаривал с одним наркоторговцем в этом районе, когда пытался найти Гакуто в июле, и отслеживал его местоположение через обычных торговцев. У меня есть только его номер телефона, так что он является единственным средством связи, но я ведь уже говорил с ним и мне этого достаточно. Я нахожу таксофон поблизости и звоню ему, договариваясь о встрече, чтобы получить новую информацию. Несколько секунд в трубке тихо, после чего человек соглашается. Я иду по указанному адресу. Он ведет меня в место, далекое от шумных улиц города, уводит из коммерческого района. Здесь старые здания толпятся вокруг друг друга - плохое завещание, оставленное экономикой. Жилое здание, к которому я прибываю, - старое захудалое место; грязь многих лет, приставшая к нему, делает его темнее, чем оно изначально планировалось. Очевидно, оно давно заброшено, передний вход заколочен. Адрес, полученный мной, указывает на второй этаж,

так что я ищу пожарную лестницу и вскоре нахожу ее, хотя ей не хватает нескольких ступеней, и ржавчина давно захватила ее. Я карабкаюсь с металлическим стуком шагов и осторожно слежу за любым намеком на обрушение. Добравшись до второго этажа, я нахожу незапертую дверь, ведущую в главный коридор апартаментов. Вхожу, быстро найдя нужную комнату, и стучу.

За дверью я слышу шаги и вижу движение теней в маленьком проеме между дверью и полом. Это длится несколько секунд, после чего деревянная дверь слегка приоткрывается, и человек высовывает голову. Лицо женщины, длинные темные волосы струятся с ее головы. На первый взгляд она кажется лишь немногим старше меня. Она осматривает меня, слегка улыбается, прежде чем полностью открыть дверь. Она непримечательно одета, и только ее красное зимнее пальто является характерной чертой.

- Привет. Я звонил вам сегодня утром.

- Да, да, я знаю. Надеюсь, никто за тобой не следовал. Не хотелось бы, чтобы кто-то узнал, что я живу здесь. Заходи, быстро.

Неожиданно она хватается за руку и тащит в комнату силой. Потратив секунду на то, чтобы не упасть, я обнаруживаю себя в очень грязной комнате. Одежда, журналы и другие разбросанные вещи занимают весь пол, в середине которого стоит котацу. Женщина проходит мимо меня, быстро садится и засовывает ноги под котацу. Она нетерпеливо смотрит на меня, кивком приглашая подойти поближе. Так что, несколько более неуверенно, чем я привык, я сажусь на пол напротив нее. Котацу совсем не теплый, и я замечаю, что он не включен в розетку. Вероятно, потому, что здесь нет даже электричества.

- Так вот ты какой, - говорит она высоким голосом. Она кладет руки на стол, а голову на руки, положив ее набок так, что может довольно странно смотреть на меня. - Не ожидала, что ты будешь так выглядеть.

Я хочу ответить тем же, но сдерживаю себя. Она ведет себя совсем иначе, не так, как я представлял ее по двум кратким диалогам по телефону. Я не знаю, как она толкает свой продукт, но...

- О, это легко. Всем наплевать, парень ты или девка, пока у тебя есть товар.

- Эм, да, наверное, - выдавливаю я. - Как вы...

Она хихикает.

- Тебя легко читать, и это было написано у тебя на лице. И все же по твоему голосу я готова была спорить, что ты скользкий тип. В маленьких очках, информация-это-сила-умник. Ну, не думаю, что это играет какую-то роль. Так о чем ты хотел спросить?

Она моргает, потом сужает глаза. В этот момент, хотя она не двигается, я чувствую, что в ней что-то изменилось, словно в ее голове сработал переключатель. Стараясь игнорировать это чувство, я готовлюсь задать первый вопрос. Прочищаю горло.

- Я думаю, начну с того, что случилось прошлой ночью. Можете что-то рассказать о случившемся со смертоносным чудовищем?

- Ты о бешеной девке в кимоно и кожаной куртке? - говорит она.

Фраза застает меня врасплох, и я вынужден отвести от нее глаза. Если она так внимательна, как утверждает, то и *это* она должна была заметить. Она продолжает:

- Не нужно спрашивать никого другого. Я сама все это видела. Так... думаю, это было примерно в три ночи. Дождь никак не кончался. Это место дождливыми ночами пугает, и бизнес там паршиво идет в последнее время. Но этот отель любви - постоянный клиент.

Покупают всегда. Я шла, чтобы выполнить доставку, и, проходя мимо входа в аллею, увидела их. Четыре юнца, пытающихся ограбить девчонку в кимоно. Бесстыдство. В ее глазах видна игривая задумчивость, когда она вспоминает эти события, и секунду спустя я обнаруживаю, что встречаюсь с ней глазами.

- Новости говорят, что пол преступника не подтвержден. Откуда вы знаете, что это девушка?

- Поверь мне. Нет лучшего судьи для тела девушки, чем другая девушка. Хотя было довольно темно, - хмурит она бровь, будто бы пытается вспомнить изо всех сил. - Стоп, ты знаешь эту девушку?

Она поднимает голову и смотрит прямо на меня. Я кусаю губу. Ответа нет.

- Ладно. Меня не касается. Надеялась, что мы все-таки обменяемся информацией, а не просто я расскажу, а ты послушаешь. Но мой совет тебе - забудь ее, как плохую болезнь. Она ненормальна. Я дружила с опасными людьми, и я знаю, насколько безумным все может стать. Я знакома с кучей нариков, но все они почти безопасны, если ты не полный урод. А вот кого я и правда боюсь – так это людей вроде нее. Она была чем-то иным. Четыре юнца окружили ее, а ей, кажется, было все равно. У нее был нож. И потом она просто танцевала вокруг них как балерина, рубила их, но никогда не ранила всерьез. Но это не потому, что она не хотела убивать, это точно. Казалось, что она *хочет* пронзать их снова и снова. Как будто... она наслаждалась действием. Нарики со временем устали или боль со временем стало сложнее игнорировать, так что они пустились в бегство. Не помогло. Девушка была быстрее. Она прыгнула на них, убив троих ударами в спину. Не знаю, почему она так долго тянула с этим.

Последнему было хуже всего. Парень лежал лицом на земле, рыдал и умолял пощадить его, но женщина, даже не замедляясь, вогнала нож ему в шею. Потом она просто долго стояла, ничего не делая. Просто стояла посреди бойни. Я видела ее глаза, по какой-то неведомой причине они сияли. Синий свет. Никогда такого не видела, клянусь. Я хотела кричать, но не получалось. Сейчас я думаю, что мне очень повезло. Она бы догнала и зарезала меня так же, как и этих четверых, если бы услышала крик.

Она говорит это без единого движения, лишь ее глаза вглядываются в мои, пока она рассказывает свою историю. Она не лжет.

- Кое-что не сходится, - наконец говорю я после пятисекундной задержки. – Вы говорите, что прятались за углом аллеи, откуда видели лишь силуэты. Откуда вы знаете о том, что порезы были неглубокими? Или о состоянии тел?

Она ухмыляется.

- Ты прав. У меня нет доказательств, которые я могу тебе показать, и я не могу сказать, что была достаточно близко, чтобы увидеть, насколько глубокими были порезы. Это просто чутье и некоторые здравые рассуждения говорят во мне. Это потому я не хочу идти рассказывать копам. Если хочешь найти еще одного свидетеля – можешь попробовать.

- То есть можно сказать, что вы не могли точно сказать, какого пола был убийца.

Она устало дергает плечами в ответ.

- Как скажешь, босс. Я просто смотрела на нее. Зато могу сказать, во что она была одета. Кимоно, как и говорят в новостях, но еще и куртка поверх него. Не видела рукавов, понимаешь? По сути, без рукавов кимоно выглядит почти как юбка. Забавно, правда?

- Угу, - бормочу я рассеянно, - правда забавно.

Что-то в этом *не так*. Кажется, что фактами управляют. Способ смерти заставляет жителей вспомнить первое дело, закончившееся три года назад. Частота убийств смертоносного чудовища нарастает сразу после этого и парализует город. Потом становится известна внешность убийцы. Все по порядку, спланировано. Почти как...

- Почти как игра? - говорит женщина, устало качнув головой. Я смотрю на нее, подняв бровь, и она отвечает мне кошачьей улыбкой, положив голову на котацу. - Мы закончили? Потому что я вряд ли смогу рассказать что-то еще.

Я не могу выдавить ответ. Я чувствую, что должен спросить еще. Я продолжаю повторять в голове, что она была в темноте и не могла ничего разглядеть под сильным дождем.

Продолжаю думать, что она ошиблась и на убийце было не кимоно. Продолжаю повторять, что это не Шики. Но факты передо мной говорят об обратном. Как и три года назад. Нужно продолжать верить. Я еще ничего не видел сам.

- Да, думаю, достаточно насчет прошлой ночи, - говорю я не только ей, но и себе. - Но у меня еще есть вопросы. Это может быть странный вопрос, но это был первый раз, когда вы стали свидетелем преступления? В смысле, особенно когда каждый день прошлой недели появлялся новый труп, и все убийства происходили не в самых пустых местах. В отличие от событий трехлетней давности, убийства сегодня происходят в деловом центре, и несколько странно, что никто до вас не наткнулся на преступление или не видел кого-то подозрительного в округе.

- М-м-м, думаю, да. Но если ты спрашиваешь, знаю ли я кого-то, кто видел это также, как и я, то думаю, ответ «нет». Большинство тел брошено в местах, где мы не бываем. Кроме того, как правило, нарики и дилеры не особенно любят общаться с копами. И если ты собираешься говорить о странных личностях, шатающихся по городу, то сначала на нас посмотри. Мы шатаемся по городу, и *нас* считают странными. Люди, носящие кимоно, как-то не особо склонны подходить к нам, если ты понимаешь, о чем я. Подумай, кто сейчас носит кимоно? Богатые старые девы или кто-то в этом духе. Странно будет, если кто-то из них вдруг станет покупать у нас дозу.

Она шепотом повторяет слово «странно», словно это какой-то шифр.

- И все же это значит, вы первая, кто видел убийство. Вам не кажется это необычным? Она чешет голову и хмурится.

- Что не так? Нет свидетелей - значит, нет свидетелей, и все.

- Но если никто не видел убийства, оно подобно закрытой комнате, и это уничтожает всякий смысл.

- Ой-ой, чего? Прости, я немного торможу, умник, так что тебе придется немного объяснить мне. Если это убийство в «закрытой комнате», разве это не хорошо? Полиция никогда не найдет тела и тебя никогда не поймают.

- Это не тот тип убийства, которых хочет наш подозреваемый. Насколько известно людям вне комнаты, внутри не случилось преступления. И, по сути, убийца «закрытой комнаты» хочет беспокоить людей как можно меньше. В этом весь смысл. Когда нельзя забраться в комнату, убийство начинает становиться похожим на суицид. Если люди думают об убийстве, значит, преступник неправильно использует закрытую комнату. Мысли о преступнике должны приходиться в голову в последнюю очередь. Но это смертоносное чудовище хочет, чтобы его нашли. Отсюда и его выбор мест. Открытые, проходные аллеи в оживленных районах города - явно не закрытая комната. И все же ни единого свидетеля. Женщина утвердительно хмыкает и кивает головой.

- Но теперь есть свидетель. Я.

- Я знаю. Но если бы смертоносное чудовище хотел устроить шоу, то свидетель давно бы появился.

Моя теория, пусть и грубая - это все, что у меня сейчас есть. Если я продолжу следовать ей, может быть, следующий ответ будет прост. Наличие свидетеля указывает, что прошлая ночь была другой. Возможно, она не входила в его планы.

- Я думаю, что понимаю, - задумчиво говорит девушка. – Ты считаешь, что отсутствие свидетелей при других убийствах имело причину. И то, что я стала свидетелем, означает, что он в чем-то облажался.

Она скрещивает руки и хмурит бровь, словно только сейчас начиная осознавать сказанное.

- Ты довольно сообразителен, умник, хотя очки мог бы выбрать получше. Так к чему ты ведешь?

- Я... пока не знаю, - с сомнением отвечаю я. Раздраженный, я начинаю думать. О чем еще можно думать? Моя гипотеза и... все. Внезапно девушка, пялившаяся на меня суженными глазами, начинает смеяться.

- А, теперь мы замолчали. У тебя есть свои планы. Поделишься? Хочешь доказать невиновность девушки?

- Сначала нужно многое узнать. Например, про новый популярный коктейль. Можете что-нибудь про него рассказать?

- А, к этому возвращаемся.

Она бросает на меня косой взгляд, ее глаза теперь выглядят скорее жесткими, чем озорными, и кажется, даже атмосфера в комнате изменилась.

- Я полагаю, ты говоришь о какой-то комбинации кислоты и травы. Обычно эту комбинацию называют «мудра», но это не тот самый коктейль, которым сейчас торгуют. И близко не стоял. Это лютое дерьмо. Одна доза, и ты пропал, также как и все остальные. Начни принимать каждый день, и эта хрень тебя убьет быстрее, чем ты успеешь подумать об этом. Не знаю, на кой черт люди его покупают.

- Серьезно? Я пробовал ЛСД и марихуану, но чувствовал лишь тошноту, а потом это сошло на нет.

- Ходишь по городу и ничего не знаешь о наркоте?

Она издает легкое «тю-тю» прежде чем продолжить.

- Очень плохая идея. Ладно, умник, давай прочитаю тебе лекцию. Твое тело может иметь сопротивление к наркотикам. Если это что-то слабое, ты начнешь принимать больше и больше с каждым разом, опустошая в процессе кошелек. Не лучший выбор, правда? И еще зависимость. Она имеет физическую и психологическую стороны, но если в двух словах, то от нее зависит, насколько хреново тебе станет, если ты не получишь очередную дозу. Чем сильнее, тем чаще начинаешь принимать. Смотря какой человек. Часто наркоману легче остановиться, чем курильщику. Как по мне, алкоголь, сигареты и кофе – проблемы намного серьезнее. Хотелось бы мне знать, почему наркота незаконна, а все это нет. Ее речь заставила меня улыбнуться. К счастью, она этого не заметила. Не думаю, что она ошибается. Наверняка права. Но мне нравится, как это сейчас непонятно откуда выскочило. Потратив несколько секунд на то, чтобы успокоиться, она продолжает:

- Ну, ладно, думаю, могут быть наркотики, от которых сразу впадаешь в такую физическую зависимость, что они нанесут вред твоему телу, если ты не будешь их принимать. Я не продаю такое, принципы. Это потому я не люблю ребят, толкающих бладчип. Не знаю никого из них, и не хочу знать.

- Бладчип? – спрашиваю я. Она кивает.

- Уличное название нового коктейля. Особенного. Две марки и десять грамм травы будут стоить тебе лишь вот столько! – говорит она преувеличенно возбужденным голосом. Потом она поднимает палец, единственный палец. Тысяча йен. Другие страны всегда оценивали наркотики выше, чем Япония, но это просто бред. Даже школьник легко может позволить себе регулярно покупать его.

- Черт. Как цены на фастфуд.

- Угу, и он дешевет. Они подсаживают людей и снижают цены. Что это за нахер? Сам посуди, это же бизнес ни к черту. Там есть какая-то грязная подковерная игра, которой даже якудза не занимается. И это даже хуже, чем хрень на улице. Может, это какой-то особо чистый ЛСД, не знаю. Знаю только то, что он с каждым днем все популярнее. Что странно, ты должен класть его на язык. Это более эффективно, чем колоть в вену. Правда, никогда сама не пробовала.

- Это точно?

- Конечно. Сообщается при покупке. Думала, ты знаешь, ты вроде как сам на рынке. Хотя производитель бладчипа использует только детей, чтобы толкать его, так что думаю, это ограничивает способы распространения информации. Уличные парни знают, но лейтенантам наплевать. Все, наверное, думают, что это глупая детская игра. Видимо, потому и фараоны до сих пор не начали копаться в этом. Они продолжают целиться в известные группы якудза, но никогда не смотрят на независимых торговцев вроде меня. Мы слишком круты для них.

Она снова смеется, издевательски и весело.

Я, с другой стороны, мрачнею с каждым ее словом. Дилер, от которого я получил свои наркотики, не говорил мне об этих новых. Значит, я пробовал что-то не то. Судя по тому, что она сказала, мне повезло.

- Спасибо. Вы мне очень помогли.

Я благодарю ее и начинаю вставать. Время двигаться дальше.

- Не заморачивайся насчет этого. Производитель бладчипа реально притягательный парень, как я слышала. По крайней мере, все нарики так считают. Я говорила тебе, что бизнес паршиво идет. Это потому, что я сейчас единственная в районе, кто не толкает бладчип. Не мое, понимаешь? Но для новичков, это выглядит как какой-то культ Новой Эры, - говорит она с нездоровым юмором. Она предпочитает остаться под кофаксу, и в этом холоде, даже без электрического обогревателя, я не могу винить ее.

Я пробираюсь через раскиданный мусор и журналы и хватаюсь за ручку двери. Не оборачиваюсь и задаю последний, почти забытый вопрос.

- Ах да. Вы знаете имя производителя бладчипа?

- О, ты не в курсе?

Она называет имя. Ответ абсолютно не тот, на который я надеялся. На миг у меня начинает кружиться голова. Может быть, это последняя деталь, которая позволит собрать головоломку? Я стараюсь сохранить свое хладнокровие, надеюсь, что она не заметила моего удивления. Те злые глаза, в которые я вглядывался, должны знать, хотя она хранит молчание. Я еще раз благодарю ее как можно спокойнее и выхожу за дверь заброшенных апартаментов, назад в серо-черный мир покрытого облаками неба.

12

Июнь.

Моя жизнь никогда не была так близка к идеалу.

Я чувствовала себя свободной, обнаружив, что могу беседовать с кем-то, не боясь и не сдерживаясь.

Возможно, это случится на перемене, или за ланчем, или после школы.

Я ждала его с нарастающим предвкушением.

И моменты, когда мы говорим, это моменты, когда мое сердце бьется так быстро, что начинает болеть.

Но это та боль, которую можно игнорировать, если мы можем говорить - и пусть это не кончается. Пусть это будет.

Теперь я понимаю.

Мой мир был расколот надвое.

И граница между двумя мирами опирается на единственную истину, человека по имени Микия Кокуто.

Когда я наконец просыпаюсь, солнце уже давно село.

Я поднимаюсь и подхожу к краю крыши, на которой спала, и проворно спрыгиваю на соседнее низкое здание. Крыша, так гостеприимно позволившая мне поспать, доступна лишь определенному персоналу. Так что она была почти идеальным местом, где я могла вздремнуть без посторонних. Забралась на крышу соседнего здания и запрыгнула к своей свободе спать. Больше недели назад я начала эту нелепую жизнь. В отличие от других зданий, на которые мало путей подъема снаружи, на этом здании была лестница, ведущая с крыши на тротуар. Осмотревшись, чтобы убедиться, что вокруг никого, я спускаюсь по лестнице и оказываюсь в знакомой аллее. Когда становится по-настоящему темно, тишина поглощает город. Что-то опасное на свободе. Я чувствую это. Я держу себя наготове. Лишь разбросанный мусор и газеты украшают аллею, в которой я стою. И как удобно то, что одна из выброшенных газет оказывается сегодняшней, за 9 февраля. Заголовок на первой полосе не удивляет. Снова смертоносное чудовище.

- Смертоносное чудовище убило четверых. Одета в кимоно фигура... замечена на месте преступления? – читаю я вслух. Ха. Повод удивиться. Четверых? Они имеют в виду четверых с прошлой ночи? Газета утверждает, что они мертвы. Кимоно... они *обо мне*? Прошлой ночью все прошло очень неприятно, и дело закончилось быстро. Но я не могла убить их. Не могла.

Черт, я ничего не понимаю. Единственное, что я знаю – мне нужно найти его. Это смертоносное чудовище, о чьей личности у меня нет ни малейшего гребаного представления. Как и три года назад, я оказываюсь на местах работы убийцы, думаю о них и пытаюсь найти что-то в себе. Я выкидываю газету несколько сильнее, чем хотела.

- Я ничего не понимаю, - повторяю я себе под нос. Ветер воет и разбрасывает мусор вокруг меня. Люди будут охотиться за мной, так что я должна двигаться незаметно. Теперь, больше, чем когда-либо, моими дорогами будут аллеи и закоулки. Теперь, больше, чем когда-либо, я должна прятаться в темных, грязных местах. Теперь, больше, чем когда-либо, мне нужно будет отбросить человечность, по крайней мере, на время. И даже тогда это может быть болезненной, кропотливой и все же абсолютно бессмысленной работой. То, что я не останавливаюсь, зная это, должно быть величайшим доказательством моего идиотизма.

Каждый день я лишена легких или сытных обедов, отдыха для мышц, удовлетворения от сна. Мне некуда идти, но кажется, будто я бегу от чего-то, скрытого в глубине необъятной тьмы города.

Что за хрень я тут устроила? Задерживаю дыхание, охочусь за кем-то? И когда я найду убийцу, что тогда? Убью его? Этого я хочу? Микия... ему это не понравится. Просто вспомнив о нем, я чувствую, как падаю в ловушку, из которой самой не выбраться.

Я трясу головой, пытаюсь вытряхнуть из нее все беспокоящие меня мысли. Не получается, но, по крайней мере, я вспомнила, что надо идти. В еще один прорыв этой ночью. Нужно покончить с этим, быстро. Покончить, и может, я смогу вернуться домой... В два ночи весь город спит как убитый. Ни единой тени человека на дорогах, и шум машин редок и всегда далек, в нескольких улицах от меня. Каждый раз полицейская сирена следует за ним, словно ржание лошадей вдали. Предприятия закрыты, в домах выключен свет, темные облака не пропускают лунный свет и сопровождающее мерцание звезд, не давая передохнуть от мрака. Можно подумать, что если никого нет, ничего не случится, что все будет хорошо. Но есть загвоздка. Здесь есть люди, скрытые в забытых углах города, на дорогах воров, в канализационных стоках и в тенях эстакад и зданий. Если им повезет, они сбиваются в кучи ради тепла и уюта. Но те, кто блуждают в ночи одни, не столь удачливы.

Я иду по главной пустынной улице, которая выглядит столь странной и чужой.

Вдалеке я вижу человека, фонарь за его спиной дает мне рассмотреть лишь его силуэт.

Я останавливаюсь. Что-то в нем не так. Наклон в его стойке скрывает что-то. Что-то в нем кажется таким... ностальгическим.

Тень видит меня и соскальзывает в ближайшую аллею. Мои ноги оживают против воли, следуя за тенью.

Холодок поднимается по горлу, но я игнорирую его и вхожу в аллею.

Внутри словно иной мир. Это тупик, здания окружают его, создавая непроходимую стену. Из-за этого даже днем сюда не проходит солнечный свет. Честно говоря, это место больше похоже на комнату, а не на аллею - еще одна улица, забытая городом. В этом мертвом пространстве лишь один бездомный видел сны о счастье, но не сегодня. Стены аллеи только что были выкрашены. Земля мокрая и липкая, и обычный запах гнилой еды смешан с более сильным ароматом.

Я стою посреди моря крови. Телесные жидкости текут по аллее, и сладкий, липкий запах въедается в ноздри. В центре лежит труп. Я не могу увидеть, какое лицо у него было перед смертью. Его руки отрезаны, а ноги стали обрубками в районе колен, кровь вытекает из них. Где другие части рук и ног, я не вижу. Обрубки не выглядят так, словно они были обрезаны. Это не работа клинка, но жестокое питание животного. Откуда-то я слышу – или мне кажется? – урчание наполняемого живота и звук жевания, едва слышный. Это звук, с которым жуют жесткое мясо.

Мир, так отличающийся, даже ярко-красный от крови, был подавлен грубым запахом животного тепла.

За телом расступаются тени, выпуская еще одного человека. Человек, чьи контуры и кривые извиваются вокруг него. На нем надета похожая кроваво-красная куртка, и в его лениво висящей правой руке виден нож примерно в семь дюймов длиной. Волосы, почти достающие до плеч, неаккуратно обрезаны, но достаточно длинные, чтобы засомневаться в поле человека. На расстоянии его можно было бы принять за девушку. Лишь одно отличает меня от него: его волосы. Золотые, благородно светлые. Гнилой воздух, омывающий и колыхающий эти примечательные волосы, дарует ему плотоядную ауру. Похожий на льва, глубоко впечатывающийся в душу человек.

Шики это было слишком знакомо.

Все это было слишком близко к далекой, дорогой, ушедшей памяти – и теперь вернувшейся, как проклятие.

Это были воспоминания о конце лета четыре года назад. Глубокая ночь, очень похожая на сегодняшнюю. И в ту ночь Шики видела тень, последовала за ней... и следующее, что она помнит – она стоит над залитым кровью телом. Что случилось между этими событиями, это воспоминания не ее, но другого **Шики**.

- Ты кто такой? – говорит Шики, обращаясь к человеку перед ней, который словно сошел с картинки, созданной ее разумом.

Шики увидела, как «другая» она, светловолосая Шики, дернула плечами. Дрожь, трепет. Не из-за страха, как она представляла, но из-за извращенного удовольствия.

- Шики... Реги, - говори тень.

Шики не понимает, обращение это или ответ. Голос, произнесший эти слова, был так прост, что его нельзя прочитать. Взмахнув золотыми волосами, тень обернулась к ней. И она увидела, что даже в лице было извращенное сходство, словно она вглядывалась в странно перекрашенное зеркало. У светловолосой Шики красные глаза, не менее пронзительные, чем у самой Шики, а ее уши украшены серебряными серьгами. Хотя это не кимоно, Шики увидела, что на тени была черная юбка, достающая до щиколоток; хорошо подходит темной, кроваво-красной кожаной куртке.

Но тень не была женщиной. Просто мужчина, получивший титул смертоносного чудовища.

- Это ты. Ты... - шепнула Шики, но прежде чем она смогла закончить, убийца уже сорвался с места по кратчайшему пути к ней. С ножом в руке, он двигается пригнувшись, как спринтер, не имея иного способа выйти из аллеи, кроме как попытаться проскочить мимо Шики.

Шики с отточенной проворностью выхватила свой нож, но мрачное выражение ее лица говорит об ее удивлении. Тень приближалась нечеловеческими движениями. Она двигалась как атакующая змея. И для змеи эта узкая аллея была подходящей охотничьей территорией. Даже тренированные глаза Шики не могли уследить за ее движениями. Когда дистанция между ними уменьшилась, движения мужчины изменились. Его ноги распрямились со значительной силой, и он прыгнул, все это случилось так внезапно, что казалось взрывом силы. И неожиданно он уже был в воздухе, направляя удар ножа в голову Шики с пугающей точностью.

Крошечная вспышка во тьме, и мгновением позже - резкий звук удара стали о сталь. В следующее мгновение, со скрежетом, нож убийцы сталкивается с ножом Шики. В тот момент, когда ножи обнимали друг друга подобно братьям, взгляды сражающихся встретились - Шики, с суженными глазами, полными враждебности, и убийцы, широко раскрытые, полные удовольствия. И потом этот момент закончился.

С заметной ухмылкой убийца отступил, оттолкнув клинок Шики, и прыгнул в сторону, за спину Шики, к другому концу аллеи. Он приземлился как паук, преодолев шесть метров одним прыжком. Затем он остановился и встал, дыша, как зверь.

И сейчас, по его сгорбленной позе и невозможным движениям, Шики явно видит, что он уже давно удалился от всех общепризнанных понятий о человечности.

- Почему? – спрашивает он. – Почему ты не воспринимаешь меня всерьез?

Свежая кровь с трупа покрывает его пальцы и края юбки. Шики не чувствует нужды отвечать, но все еще смотрит на мужчину, так похожего на нее.

- Ты не та же. Не та женщина, какой была четыре года назад. Если бы ты была такой же, ты бы убила меня, но ты продолжаешь держаться на границе. Я желал тебя так долго.

Тебя, так похожую на меня. Но почему?

Он говорит голосом настолько глубоким, что кажется, что сердце вот-вот выскочит из его горла; он громко и резко дышит. Как будто самой беседы было достаточно, чтобы напрячь его рассудок, и его дыхание доказало бы его смерть. «Это удовольствие, - подумала Шики, - или какое-то возбуждение? Или ему правда было больно?» Шики решила, что это неважно.

- Не ожидала, что это будешь ты, - сказала она жестким, холодным голосом. – Женское имя и тело, которое вполне можно принять за женское. Мы говорили в школе лишь раз, верно?

Смертоносное чудовище трясет головой.

- Да. Так давно. Я так много забыл.

Он хихикнул, едва подавив смех. Он явно наслаждался происходящим.

Шики не может увидеть здесь удовольствия. Она искала убийцу, чтобы покончить со всем этим, и все.

- Скольких ты убил? – спрашивает она с легкой нерешительностью в голосе.

Убийца хихикает.

- А ты поверишь, если я скажу, что сбился со счета? Я не думаю о них. Просто числа.

Просто числа, все они. И никто не может указать на меня. Я свободен от цикла преступления и наказания. И потому я убиваю, иногда по нескольку дней подряд, как ты, конечно, знаешь.

Его мучает жестокий кашель, и кажется, что он сейчас упадет, но он приходит в себе и продолжает:

- Я оставлял так много знаков, так много следов для тебя. Все убийства. То, как я оставлял тела. Я знал, что ты подумаешь, что тебе это знакомо. Что случилось четыре года назад. Да, - он извлекает слова с долгим выдохом. – Я подумал, что это запустит твои воспоминания. Но ты игнорировала меня. Игнорировала все! Это не производило правильного... впечатления.

На его лице мелькает улыбка, показывающая ряд окровавленных зубов, сияющих в ночи.

- Они называют меня монстром. То, чего не доставало мне в имени, мне с радостью подарили люди. В точку, да? Эта неделя была очень хорошей. Я сделал то, чего от меня ждали, наградив таким именем. Все-таки людям нужно, чтобы я совершал убийства, чтобы они могли демонизировать меня как любого монстра, о котором они знают.

Правильно? Но ты же все и так знаешь, Реги. Ты восхищалась моей работой. Ты ходила искать меня. Это зерно в тебе, которое я хотел освободить, найти хищника, такого, как ты. Такого, как я. Да, я понимаю. Я понимаю. Потому что я знаю тебя лучше всех.

Его затрудненное дыхание становится выше и громче, раздаваясь эхом в тишине ночи, окутывающей аллею. Шики видит, как он слизывает кровь, оставшуюся в уголках рта, смакуя каждую каплю. Но ничего не делает с кровью, покрывавшей все его лицо. Что он учудил с трупом, что оказался весь покрыт кровью, с головы до пят? Его глаза налиты кровью, как у безумца. И перед таким ужасным зрелищем Шики не может выдать ответа. Ненависть, которая скопилась в ней, не давала выхода словам, как будто если она почтит присутствие мужчины хоть одним словом, то безвозвратно замазает себя. Даже если – а возможно, именно потому что – его слова было сложно отрицать.

Ее желания, ее убийственный импульс сходятся вместе.

Шики отвернулась от него, пряча лицо и нахмуренные брови. Но убийца не пропустил ничего, как будто он чувствовал ток крови, предательские капли пота, ставшие формулой трепета. Человек улыбается, его рот изгибается.

- О, так не пойдет. Ты продолжаешь сдерживаться. Ты знаешь, что делаешь. В тебе есть что-то, кричащее, что ты есть на самом деле, но каждый день ты это отрицаешь. Но нет в этом нужды. Делай, что оно хочет. Ведь это и то, чего ты хочешь.

Шики хранит молчание, все еще глядя на человека, как на яд. Убийца озвучивает свое последнее предложение:

- Ты упрямая сучка, я знаю. А еще знаю, что если ты не можешь вернуться к тому, чем ты была, я думаю, мне придется убить причину всего этого. Убить того, кто заставляет тебя сдерживаться. После этого все будет решено. Давай. Скажи мне, что я не сделаю этого. Ты была так близка к решению проблемы три года назад. *Так близка*. Теперь я должен все закончить сам.

Убийца запрокидывает голову, закрыв глаза и захлебываясь смехом.

- Скажи мне... - угрожающе начинает Шики. Ее Глаза сияют не так, как прежде, синим огнем, богатым силой магии. Она бросается к человеку, ее движения так быстры, и мужчина так отвлечен собственным весельем, что даже не видит ее. - Кто кого собирается убить?

Шики нанесла удар без усилий; ее клинок, усиленный самой энтропией, прошел через руку мужчины. Его нож лениво упал на землю, забытый, а его смех превратился в безумный резкий визг на грани слышимости. Он отпрыгнул от Шики, пытаясь найти спасение в расстоянии. Но Шики была быстра и бросилась в погоню. Ему нужно было место, которого Шики не могла достичь.

Так что он прыгнул вверх, выше, чем казалось возможным, оставшейся рукой ухватившись за подоконник одного из зданий. Он оттолкнулся невероятным образом, прыгая выше и выше, хватаясь за трубы и выступающие части стены, двигаясь с легкостью белки-летяги. И лишь в конце, когда он забрался на высоту двадцати метров и перебрался на другую сторону здания с уверенностью паука, он осмелился посмотреть вниз, на аллею, из которой едва смог сбежать.

И внизу, в поле тьмы ярко сияют Мистические Глаза, голубое пламя, недвижимое и сфокусированное на нем, как будто это были глаза самой Смерти.

Убийца сбежал из той роковой аллеи, хотя жажда крови рвала его изнутри. Это было неважно. Другое чувство преследовало его еще сильнее. Чистый, неподдельный страх. И после этого - странное ликование, которое он едва мог контролировать.

- Я знал. Ты все еще настоящая, - шепчет он, прыгая с крыши на крышу отточенными легкими движениями. - Она была настоящая.

Сегодня ночью он знал, что нашел неопровержимое доказательство. Эта девушка все еще скиталась по той стороне мира, где жили проклятые, по секретному миру убийц и чудовищ. Он раскроет эту ее сторону, вытащит ее так, как не мог никто другой. Он знал как. Ему нужно лишь упомянуть мысль об убийстве определенного человека, чтобы подтолкнуть Шики опасно близко к барьеру. И парень знал, что если она пересечет его, то станет лучшим чудовищем, чем он когда-либо был.

- Так просто. Я просто должен убить того, кто держит ее на поводке.

Он спрыгнул в пропасть, слишком широкую для прыжка, схватился за низко висящие провода и, сохраняя импульс, перепрыгнул на соседнюю стену, легко взбираясь вверх. У него ушло лишь несколько секунд на то, чтобы забраться на крышу. Он знал, что внизу, Шики пыталась преследовать его. Он *чувствовал* ее, чувствовал возбуждение охоты. Но в этой охоте она проиграла несколько минут назад. Быстрота была ключом, и бег по зданиям делал его быстрее. Хотя в низком горизонте окрестностей не было деревьев, от

которых можно было оттолкнуться, для него это был густой лес. Он мог спрятаться, выследить жертву. Это было искусством.

Он чувствовал себя живее, чем когда-либо, пусть даже обрубок руки продолжал истекать кровью и оставлять очевидный след. Уже сейчас кровь начала сворачиваться, а рана закрываться. Скоро это будет просто обрубок. Почти бесполезный, но это неважно. Он подарил один радостный и дерзкий вой безлунной ночи. Крик любви, неосуществленной четыре года назад, наконец получившей возможность осуществиться.

Второе расследование убийства – 3

Июль.

- Я не люблю слабаков.

Очень спокойно сказала она.

- Я не люблю слабаков.

Вот так Реги Шики выбросила меня как мусор.

- Я не люблю слабаков.

Я точно не знаю, что она хотела этим сказать.

Но той ночью я впервые в жизни ударил человека.

Той ночью, впервые в жизни, я убил человека.

Десятое февраля.

Определенно, облачный день, но кое-кому сегодня перепадет немного солнечного света.

Я слушаю прогноз погоды по радио в машине. Достаточно выглянуть из окна, чтобы стало ясно, что если солнечный свет где-то и сияет, то только не здесь. Ни малейшего изменения со вчерашнего дня.

Одной рукой держа руль, я смотрю на часы, показывающие чуть больше двенадцати. Если бы это был обычный день, то я был бы в офисе Токо-сан, обзванивая случайных людей для выставки или заботясь о расходах. Но это необычный день. Я позвонил ей утром и сказал, что беру больничный на день, как и вчера. И теперь я в машине, медленно качусь к побережью и индустриальным районам.

- Успокойся, Кокуто, - это было предупреждение Токо-сан. Интересно, знала ли она, что я делаю. В любом случае, этого предупреждения не хватит, чтобы остановить меня. Особенно после прошлой ночи, когда была найдена еще одна жертва смертоносного чудовища. Из всех мест... местом преступления стала аллея, где случилось первое убийство четыре года назад. Только полный дурак подумает, что это было совпадением. Каждый день начинается с нового убийства, и каждый день связи становятся сильнее, образуя послание, которое убийца хочет донести до кого-то. Значит, времени осталось мало.

После маленького перерыва у девушки-дилера я провел остаток дня, пытаюсь найти источник бладчипа. Оказалось, след к поставщику вел сюда, в район гавани, где толкач, похоже, и живет. Туда я и направляюсь, чтобы столкнуться с человеком, который может дать хоть немного ответов.

Чем дальше я забираюсь в этот район, тем чаще вижу 18-колесные фуры, везущие различные контейнеры и цистерны разных цветов, едущие в разные места где-то в городе, пока наконец они не остаются единственными моими попутчиками - тенденция, лишь дважды нарушенная машинами управления порта. Наконец я добираюсь до дороги, ведущей к гавани, и уже оттуда ясно вижу залив. Пепельная вода отражает такое же пепельное небо, пока волны сталкиваются с высоким берегом. Здесь сегодня маловато кораблей: явно не самый оживленный день в порту, который обычно управляется с 90000 тонн контейнеров в год, но сегодня многие портовые краны просто не работают.

Маленькие острова усеивают внутреннюю часть бухты, некоторые из них не больше пары футбольных полей. Арка вдали пересекает огромный выход из бухты, единственный мост через него. Другой мост, под названием Широкий, должен был быть построен, и был близок к завершению летом прошлого года. Но он был... разрушен тайфуном, и когда расследование коснулось безопасности конструкции, все работы были прекращены. Никто не горел желанием его перестраивать, так что теперь эти распотрошенные изогнутые руины стоят там, как памятник провалу промышленности.

Как оказалось, адрес, который я ищу, находится достаточно близко к Широкому мосту, и дает ясный вид на уровень повреждений, которые он получил. Эта часть залива тиха, далека от суеты портовых погрузчиков и шума дорог. Я выбираю место для парковки на обочине и выбираюсь из машины, в то же мгновение замечая запах соленой воды в воздухе. Окрестности непримечательны, заполнены маленькими деловыми зданиями в угоду дешевому жилью. Близость этого места к шумной гавани отмечает его как зону дешевой земли, но сегодня не слышно ни звука. Если бы не шум прибоя, место было бы абсолютно бесшумным. Моя цель - двухэтажный сборный дом-в-аренду, который выглядит настолько жалким, что кажется, будто ему досталось также, как и

близлежащему Широкому мосту. И все же, согласно слухам, поставщик бладчипа владеет этим местом. Просмотр городских записей показал, что имя владельца - Арайя, но я в этом сильно сомневаюсь.

На первом этаже здания есть лишь шесть небольших комнат, и я стучу и пробую замок на каждой из них, чтобы удостовериться, что в здании никого нет. Начиная нервничать, я пытаюсь как можно тише подняться по лестнице, ведущей на второй этаж, хотя тридцатилетние ступени явно демонстрируют свой возраст. Я нахожу искомую комнату только чтобы обнаружить, что дверь закрыта. Нет проблем. Я извлекаю отвертку из кармана куртки и пытаюсь провернуть замок силой.

Я делаю нечто безумное, особенно для меня. Но сейчас не время думать о порядочности. Раз дилера нет, это мой единственный шанс. В конце концов, после нескольких минут яростного дерганья ручка все-таки поворачивается.

- Бинго, - шепчу я и прокрадываюсь в комнату.

За дверью расположена кухня. Я ожидал найти какие-то кухонные принадлежности, но их нет. По большей части она выглядит неиспользуемой. Апартаменты имеют довольно узкую планировку, и вряд ли смогли бы разместить больше двух или трех человек, и даже это будет пределом. Еще один дверной проем ведет из кухни в другую маленькую комнату, хотя и более просторную, чем эта. На первый взгляд, она несильно отличается от комнаты дилера, у которой я был вчера, хотя вещи кажутся разбросанными еще сильнее, если это вообще возможно. Какая бы сила не прошла по комнате, тайфун или что-то еще, она явно постаралась разбросать все максимально беспорядочно. На дальней стене находится окно без занавесок, из которого открывается отличный вид на свинцовое море. Отчетливый звук ударов волн тут почти неслышен, и сейчас он кажется тихим и далеким. Окно выглядит единственной уступкой украшениям среди того, что я вижу. Не имея выбора, я направляюсь в захламленную комнату.

Как только я вхожу и бегло осматриваюсь, я чувствую, как кровь ударяет в затылок, и понимаю, что вот-вот упаду. Сопrotивляясь желанию рухнуть на пол, я собираюсь и начинаю более подробный осмотр комнаты.

Я пришел сюда, чтобы найти какие-то наркотики или что-то узнать о процессе изготовления. Просто какую-то улику, которая позволит мне продвинуться на шаг. Но я и близко не ждал *этого*.

- Шики, - выдыхаю я, хотя некому меня слушать.

То, что с кухни мне казалось мусором, раскиданным по стенам и полу, оказалось фотографиями. Я беру одну из них. Это фото Шики в ее дни в старшей школе. В углах комнаты лежат холсты, полные любительских портретов и набросков Шики. На веревках висит еще больше фото, а на маленькой полке лежит стопка альбомов. Слишком много картинок, чтобы сосчитать. На всех один человек. Шики Реги.

Картинки относятся к разному времени, но большинство сделаны четыре года назад. Многие из них пугающе недавние. Есть фотография Шики в форме женской академии Рейен, в которую она внедрялась в январе. Никаких повседневных потребностей – ни еды, ни развлечений, ничего личного в этой комнате нет. Но ничто не может быть более личным, чем эта комната. Это он, человек и весь его мир.

Холодный пот бежит по спине. Владелец комнаты может вернуться в любой момент. Стоит ли мне уходить? Или лучше остаться и поговорить с ним? А есть ли смысл с ним говорить? Я трясусь головой, изгоняя ненужные мысли. С любым человеком можно

договориться, твержу я себе. Ему и мне есть о чем поговорить и что объяснить. Мы не виделись со школы.

И тогда, приходя в себя, я замечаю единственную книгу, лежащую на столе у окна. Она бросается в глаза, потому что лежит на столе в полном одиночестве, когда остальные вещи разбросаны в полном беспорядке. Это важная книга. Зеленый корешок, переплет и обложка безупречно чисты, словно она должна была привлекать других людей, кроме ее владельце, словно она *умоляла*, чтобы ее прочитали. Она лежит, освещаемая единственным лучом света, проникающим в комнату через окно, душа этого личного мира. Я беру ее в руку. И возможно, подыгрывая ее владельцу, открываю первую страницу.

Не знаю, сколько часов прошло. Но я провел их, стоя в этой комнате, читая эту книгу - дневник владельца комнаты - до последней страницы. Это хроники убийств, история жестокости и ее происхождения. Она берет начало четыре года назад, с ритуальных убийств. Там, где все началось. Я тяжело вздыхаю, словно пробежал несколько километров, и смотрю на потолок. Дневник начинается весной, четыре года назад. Первая строчка первой страницы – то, с чего все начиналось. Она цепляется к моему разуму и воле на долгое время, как точка, в которой меняется разум человека. Его история не отличается от любой другой, начинаясь просто с двух фраз:

- Апрель 1995. Я встретил ее, - говорит голос у входа, неожиданный и четкий.

Медленными, неровными шагами он идет по деревянному полу, и когда добирается до комнаты, я наконец вижу его с той же улыбкой на лице.

- Привет. Давно не виделись, - говорит он. – Сколько уже, три года, Кокуто?

В его голосе не слышно ни намека на изумление. На мужчину надета черная женская юбка и красная кожаная куртка. От небрежно обрезанных волос, едва достающих до плеч, до его сомнительных черт, он явно стремился изо всех сил быть максимально похожим на Шики. Его волосы, однако, очень светлые, в отличие от иссиня-черных волос Шики, и его глаза окрашены в красный.

- Ты немного раньше, чем я ждал. Думал, это займет у тебя больше времени.

Он избегает встречи взглядом со мной и вместо этого смотрит на пол.

- Я тоже так думал, - соглашаюсь я, сдерживая ком в горле.

- Да? Может, я где-то облажался? Я думал, я стер все свои следы, когда мы говорили тогда в старом ресторане.

- Ты не ошибся. Но была одна улика. Помнишь жилой комплекс в Каямихаме, который снесли в ноябре? У меня была возможность отследить след документов этого здания до того, как это случилось. Твое имя было в списке жильцов. После завершения дела со зданием это не давало мне покоя, потому что это было необычное здание. Каким-то образом я чувствовал, ты связан с Шики. Я прав, Ширазуми Лио?

Ширазуми проводит рукой по светлым волосам, сдвигая их вперед, прежде чем кивнуть.

- Список жильцов? Ты всегда хорошо умел искать людей, Кокуто. Это был еще один маленький фокус Арайи. Он меня мало интересовал. И все же благодаря ему я встретил одного из людей, которого никогда не хотел встречать здесь, раньше, чем я планировал. Он странно улыбается и проходит в комнату.

Когда он выходит на свет, я замечаю, что его левая рука обрезана от локтя и от нее остался только тупой засохший обрубок.

- Но, похоже, мне нечего от тебя скрывать. Да, это случилось три года назад. Когда ты впервые увидел Шики рядом с телом. Это не было совпадением, что ты нашел меня на

пути к особняку Реги. Я задержал тебя, потому что хотел, чтобы ты увидел, как она совершила убийство. Арайя в тот момент уже посчитал меня провалом, просто вещью, которую нужно выбросить. Но я по-прежнему думаю, что сделал правильный выбор. Это казалось мне плохой услугой другу – не показать истинной природы Шики. Какая она на самом деле.

Он садится на стол у окна, говоря мягким ностальгическим голосом. Сейчас он кажется почти таким же, как Ширазуми, которого я знал в старшей школе. Так что это? Я читал его дневник, знал, что он связан с бладчипом, и думал, что он полностью изменился. Но сейчас он кажется... нормальным. Даже собранным. Как и Ширазуми три года назад, он все еще улыбался. Но в дневнике – его признание в убийствах. Понадобился лишь один плохой день, один человек по имени Арайя – уже покинувший этот мир – чтобы превратить его в то, чем он является. И потому он, как и любой другой человек, должен ответить за свои грехи.

- Ритуальные убийства четырехгодичной давности возобновились. И теперь я узнаю, что это ты их совершаешь, - я замечаю, что слова с трудом выходят из моего рта, в то же время смотрю прямо на него. Ширазуми, похоже, не может ответить тем же.

- Да, - кивает он. – Но не я был серийным убийцей. Это все Реги Шики. Я лишь хотел защитить тебя от нее.

- Ты не умеешь врать, Ширазуми, – теперь я говорю увереннее.

Из кармана пальто я достаю одну дозу бладчипа, позволяя ей упасть на пол. Она колышется в воздухе, прежде чем присоединиться к множеству разбросанных по полу фотографий. Ширазуми Лио может лишь болезненно взглянуть на нее.

- Когда ты бросил школу, чтобы заниматься тем, что ты хотел делать, ты об этом говорил? Ширазуми качает головой.

- Может, я заблудился. Слишком сильно. Может, я был дураком, думая, что смогу выжить в торговле. Я сделал наркотик, который освобождает людей из этой тюрьмы. Но как все свелось к этому, я правда не знаю.

Его улыбка наполняется меланхолией, он дрожит. Он хватается за отрезанную руку, обхватывая свое тело, будто пытаясь сохранить тепло. Словно поняв, куда я смотрю, он рассказывает о своей руке.

- Это? Снова Реги Шики, если ты еще не догадался. Я ожидал, что она начнет регенерировать, но пока ничего не случилось. Думаю, это природа ее заклинания смерти. Рана вылечится, но рука теперь по-настоящему «мертва». Арайя говорил мне, что жизнь в чистой и истинной форме была доменом волшебства, недоступным ему.

Волшебство. Никогда не ожидал услышать это слово от него. Но, думаю, должен был, прочитав его дневник. Он был спасен Арайей Сореном во многом так же, как и я. Все это воняет далекоидущим, рассчитанным планом. Возможно ли это, пусть даже сам маг уже мертв?

- Ширазуми, зачем все эти убийства? Чего ты хочешь?

Услышав мой вопрос, Ширазуми Лио закрывает глаза, погружаясь в воспоминания.

- Я не убиваю по капризу, знаешь ли, - шепчет он страдальческим голосом. Он прижимает руку к груди, сжимая ее так, словно ему больно.

- Я убивал не потому, что хотел этого.

- Тогда почему?

- Кокуто, ты знаешь, что такое «исток»? Твоя хозяйка - маг, верно? Токо Аозаки? Ты должен был слышать от нее. Истинная природа души, великое начало. То, чем ты должен

быть. Исток моей души был пробужден Арайей Сореном, этим демоном, маскировавшимся под простого человека.

Не думаю, что Токо-сан когда-то рассказывала мне об этом истоке или пробуждении души. Для меня все это тарабарщина.

- Не понимаю. Ты говоришь, что именно это заставляет тебя убивать?

- Не думаю, что сам много знаю об истоке души. Знаю только то, что рассказал мне Арайя - я пробудился, для меня нет пути назад. Это подобно инстинкту, который есть в каждом из нас. У некоторых он особенный, как у меня. И, к сожалению, Арайя сумел найти ему применение.

Он тяжело вздыхает. Капли пота начинают собираться у него на лбу, несмотря на мороз. Что-то меняется. В Ширазуми появляется оттенок угрозы. Я быстро смотрю на дверь, отмечая, как далеко я от нее, и как он сам к ней близко.

- С тобой все в порядке, Ширазуми? Что-то не так...

- Не беспокойся об этом, ладно? Это всегда случается.

Он еще раз тяжело вздыхает, прежде чем продолжить.

- Послушай, Кокуто. Инстинкт во мне... он разрушает разум. Он сильнее моей воли. Он мой враг. Двадцать лет... бытия мной... недостаточно, чтобы сдержать его. Так сказал Арайя. Любой, чей исток пробужден, привязан к нему. Я знаю... ты не поймешь, Кокуто. Но исток моей души – «поглощение».

Его прерывистый голос останавливается, чтобы пропустить жестокий приступ кашля, и его дыхание становится еще тяжелее, как будто он сдерживает рвоту. Рука, прижимающаяся к груди, отчаянно сжимается. Он дрожит еще сильнее, чем минуту назад, и его зубы начинают стучать в предвкушении.

- Ширазуми, что происхо...

- Дай мне закончить. Возможно, это моя последняя разумная беседа. Теперь... исток.

Он... незаметно меняет тело. Изнутри. Сила Магии внутри тебя делает возможными вещи, которые обычное тело не в состоянии сделать. Это похоже на генетическую память. Это возвращение... в какое-то первобытное состояние. И это так незаметно, что человек... обычно не замечает изменения.

Он подносит руку к лицу, закрывая его и отворачиваясь от меня, пытаюсь задушить смех. Его плечи трясутся то ли от смеха, то ли от его болезни, я не могу сказать наверняка.

- Так вот что это такое. Прежде чем я понял, я стал... тем, что я есть. Исток – первостепенный импульс. Когда он пробужден... я... перестаю быть... собой. Из-за истока... я вынужден поглощать.

Он останавливается, его голос пытается сдержать какое-то внутреннее изменение.

- Черт! Ты не понимаешь, Микия? Какого хрена это должен быть я? Какого хрена мой исток должен быть таким? Я сдохну из-за того, что едва понимаю. Не может это так закончиться! Я хочу умереть, будучи собой!

Словно в муках от ужасной болезни, его зубы беспрестанно стучат. Он поднимается со стола. Я умудряюсь рассмотреть его лицо и глаза, полные слез. Его плечи не прекращают трястись, когда он продолжает отчаянно сражаться с собой.

- Ширазуми, послушай. У меня есть друг. Токо Аозаки. Давай отведем тебя к ней. Может, она сможет помочь тебе.

Колени Ширазуми опускаются на покрытый татами пол, его лицо смотрит вниз.

- Нет. Я особенный. Другой.

Он понимает голову и смотрит на меня. Конвульсии становятся хуже с каждой секундой, но лицо все еще сохраняет какое-то спокойствие, которое я не ожидал увидеть.

- Ты всегда был хорошим. Точно. Всегда на моей стороне. Может, поэтому я могу сейчас сдерживать себя. Я не... я не хочу убивать тебя.

Он ползет ко мне, цепляясь за меня единственной рукой. Она невероятно сильна, и мои ноги чуть не подламываются от давления. Но странно, я не чувствую страха. Чем больше сила в его руках, тем лучше я понимаю, насколько он отчаян, насколько он хочет сбежать. И я не могу отказать ему.

- Ширазуми, - я не могу сделать ничего, кроме как стоять здесь и произнести его имя, надеясь, что он вспомнит. Его рука хватается за мой плащ, пока он сам стоит на коленях, и теперь я чувствую его дрожь - настолько сильную, что кажется, будто его разрывается на части.

И неожиданно он шепчет:

- Я убийца, - говорит он в кратком покаянии.

- Да, - отвечаю я, глядя на море через окно.

- Я не такой как ты, - говорит он, выплевывая раскаяние.

- Не говори так, - отвечаю я, изучая море за окном.

- Меня не спасти, - говорит он, как на исповеди.

- Ты все еще жив, что значит - это еще одна ложь, - отвечаю я.

Я мало что могу сделать, кроме как глядеть на море через окно.

Слова, произнесенные на грани слез, и расплывчатые ответы. Есть в этом спасение? Но в итоге Ширазуми выдал слова, за которые он сам себя ненавидит. Тонким голосом он умоляет:

- Тогда спаси меня, Кокуто.

Я не могу ответить. Я проклиная собственное бессилие и то, что не могу помочь ему.

Мгновение тишины.

Потом он стонет – низкий, сдерживаемый шум, как чудовищный звук, давно исходящий изнутри него. Рука, сжимающая мое пальто, собирает силу в одно мгновение, и он использует его, чтобы подняться. Одним быстрым движением он ударяет меня в грудь, потом следует момент дезориентации, и я чувствую резкую боль в спине. Когда я прихожу в себя, то понимаю, что он швырнул меня в стену. Я смотрю на него. Он смотрит в ответ безумными, налитыми кровью глазами.

- Не ходи за мной. Не ищи меня. В следующий раз, я *убью* тебя, - говорит он голосом, более спокойным, чем когда он только вошел в комнату. Он забирается на стол, после чего одним ударом разбивает окно.

- Ширазуми! Мы все еще можем пойти к Токо Аозаки. Я уверен, она сможет...

- Она сможет что, Кокуто? – выплевывает он, злоба отчетливо слышна в голосе. – Помочь мне? Даже ты этого не можешь гарантировать. И если мне станет лучше, что меня ждет? Ничего, кроме смертного приговора. И Шики Реги сама охотится за мной. Я иду по своему пути и я знаю, чем он закончится. Но я все равно должен бежать.

Он хихикает, прежде чем выскочить из окна. Последнее, что я вижу, это его светлые волосы, колыхающиеся от морского бриза. Я бросаюсь к окну, опуская глаза вниз. Но его уже не видно.

- Идиот, - шепчу я, не знаю, обращаюсь я к Ширазуми или к себе. Еще ничего не кончено. Даже близко не кончено. Он думает, что нет выхода, и я не могу пообещать ему, что найду его. Я кусаю губу и выхожу из комнаты, из этого храма Шики, думая, насколько

беспомощно я вляпался во все это. Простого решения нет, но есть вещи, которые нужно сделать. Я должен найти Шики и я не могу отпустить Ширазуми, даже если спасти его невозможно. Я не могу позволить ему убить еще больше людей. Ради него самого.

Второе расследование убийства – 4

Август. Я не спал с той ночи.

Я не могу выйти наружу. Я боюсь, что кто-то увидит меня.

Я смотрю на себя в зеркало. Избалованный. Благоустроенный. Ненавижу себя за это.

Я худший человек на свете.

Ничто не привлекает меня. Я даже не ем.

Хотя никто не стрелял, не резал, не сталкивал меня с высоты, я все равно разваливаюсь, проживая каждый день так, словно я уже умер.

И на седьмой день я осознал, что тот, кого я убил, не умер той ночью.

Потому что реальность – это очень простая истина.

То, что ты убиваешь кого-то, означает, что ты убиваешь и себя.

За то время, пока я покидаю гавань и добираюсь до моей квартиры, успевают сесть солнце, и тьма окутывает город. Когда я вхожу в комнату, где не был последние два дня, я включаю свет и обнаруживаю, что кроме меня тут никого. На столе – карта города. Еще

кружка, в которой едва отпитель кофе. Ни того, ни другого не касались последние несколько дней. Лишь пустынный воздух правит этим местом, и нет сегодня Шики, чтобы развеять его.

Я вздыхаю и невольно замечаю. Я посмел надеяться. Все-таки с января Шики часто приходит сюда, ни слова не говоря мне, ничего не делает помимо разговоров и сна, и уходит утром следующего дня. Довольно часто повторяющаяся эксцентричность. И я изо всех сил пытался надеяться, что такое случится, когда я приду домой. Что увижу ее, лежащую на моей кровати, как будто ничего не случилось за последние несколько дней. Я помню, как несколько дней назад я ходил к старому слуге Шики, Акитакэ. Я искал совета. Когда я сообщил ему, насколько Шики может быть непредсказуема, он положил мне руку на плечо и сказал:

- Теперь я должен оставить госпожу вам.

Это ставит меня в тупик до сих пор, и я не могу не думать, что это был просто какой-то странный, плохо сформулированный комплимент. Сложно поверить, что всего неделю назад дни просто начинались и заканчивались так, что я едва замечал это. Я всегда думал, что после ноября так и будет. Но сейчас каждый час каждого дня течет очень медленно. Звонок телефона вырывает меня из размышлений. Видимо, Токо-сан, хочет добавить тяжестей моей душе. Не могу винить ее. Я отсутствовал три дня. Так что с нарастающим опасением выговора, который я могу получить, я поднимаю трубку.

- Кокуто слушает.

На другом конце трубки я слышу неожиданный вздох. И по какой-то причине этот звук мне знаком - звук девушки, которую я знаю. Спрашиваю наудачу:

- Шики?

Две секунды тишины, и потом...

- Ты *идиот*, - наконец говорит она напряженным голосом, вкладывая все раздражение в последнее слово. - Где тебя черти носят? Ты, может, не слышал, но по городу разгуливает серийный убийца. Ты что, новости не смо...

Она внезапно обрывает себя. Конечно, я смотрю новости. И конечно, она знает, что говорят в новостях. Девушка в кимоно. Это причина, по которой я не могу сидеть на месте и ничего не делать.

- Ладно, неважно, - продолжает она со вздохом. - С тобой все в порядке. Это главное. Просто посиди у Токо до тех пор, пока вся эта хрень не закончится. Все, что я хотела сказать.

Я рад, что она все еще не научилась беспокоиться. По крайней мере, по тому, что я узнал от нее, последние несколько дней мы беспокоились вместе. И все же мне неспокойно. Если она знает, что она не убийца, то почему не вернулась домой?

- Шики, где ты сейчас?

- Не твое дело.

- Мое. Ты пытаешься найти серийного убийцу?

Долгая тишина, я слышу только тихое дыхание. И потом одно слово.

- Да.

Она говорит это с такой холодной, убийственной решимостью, что я вздрагиваю. Так то, чего я боялся, правда.

- Не делай этого. Шики, просто вернись домой. Ты не можешь убить его.

- Значит, ты встретился с Ширазуми, Микия. Тогда я должна спросить, у тебя совсем крыша поехала? Что ты от меня ожидал? Он дал мне все причины, чтобы убить его.

Холод превращается в короткий смех на другом конце трубки.

- Шики, просто послу...

- Нет, ты послушай. Я нашла жертву. И он не сбежит. Он идеальный безумец, от охоты на которых я так давно не получала удовольствия.

Идеальный безумец, сказала она. Я вспоминаю Фуджино Асагами, убивавшую этим летом ради удовольствия. И вот – Ширазуми Лио, убивающий против собственной воли. И она

считает их одинаковыми, потому что один и тот же убийственный импульс направляет их

- направляет ее. Импульс смертоносных чудовищ.

- И кто ты такая, чтобы решать, кто должен умереть? Сколько грехов для этого требуется?

Я произнес эти слова намного громче, чем хотел.

- А, наконец-то нежный тон твоих обобщений. А кто ты такой, чтобы судить, кому жить?

Жизни заслуживает Ширазуми Лио, серийный убийца? Он, по-моему, отличный кандидат на смерть.

- Не будь душой, Шики, - быстро говорю я. Она должна вспомнить свои слова. – Никто не заслуживает смерти, и ты это знаешь. Не ты держишь весы.

- Что я знаю, так это то, что ему уже не помочь. Он больше не человек, - просто заявляет она.

Может, она права, и Ширазуми Лио уже нельзя назвать человеком. Но своими последними сознательными словами он просил спасти его.

- Мы все еще можем помочь ему, если поторопимся. Просто вернись, и мы поговорим, Шики. Убьешь Ширазуми - и пути назад не будет.

Тишина, разрываемая лишь нашим дыханием. И прождав довольно долго, она отвечает:

- Прости. Я должна сделать это.

- Но почему?

На мгновение она замолкает, но потом отвечает сухим и усталым голосом:

- Потому что мы одинаковые. Два смертоносных чудовища.

Такое прямое, такое откровенное признание. Я кладу руку на висок и закрываю глаза.

- Нет, ты не такая! Ты никого не убивала.

- Везение. Вот и все. Это ничего не меняет. Я кое-что осознала, Микия. Что четыре года назад я была близка к убийству. Потому что **Шики** был кем-то, кто не знал ничего, кроме убийства. Но это все. **Шики** знал убийство, но я не могу сказать, что он любил его. С тех пор, как я вышла из комы, с тех пор, как умер **Шики**, что-то копошится внутри меня, требуя убийства даже без него. Это так просто, правда. Теперь я знаю, что убийства хотел не **Шики**, который умер, но *Шики*, которая выжила.

Голос на другом конце трубки становится тише. Хотя ее тон мало отличается от обычного, это незначительное изменение становится болезненно заметным.

- И потому для меня ничего не осталось на твоей стороне мира. И потому ты не должен ждать моего возвращения.

Ее голос ломается еще одним смешком, больше похожим на всхлип. Она плачет?

- Ты делаешь еще одну ошибку, Шики.

Она не отвечает. Я продолжаю:

- Не так давно ты говорила мне, что в жизни есть место лишь для одного настоящего убийства. Это *твои слова*. Ты верила в них. И ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь цену убийства.

Все-таки она подавляла – убивала по ее словам – личность **Шики** с тех пор, как была ребенком. Она знала боль **Шики**, жертвы, и *Шики*, убийцы. Это потому я верил в нее, девушку, которая всегда выглядела так, словно прячет невидимую рану.

- Я знаю, ты не убьешь. Ты говоришь, ты никого не убила потому, что тебе повезло? Не смей меня. Ты говорила мне, что мы сами творцы своей удачи. Ты сдерживала импульс. Любой человек склонен к чему-то. Просто ты склонна к убийству. Но ты могла сдерживать его, и это значит, что сможешь и теперь. Я уверен в этом.

- В чем ты так уверен? Как ты можешь понимать то, что даже я не понимаю?! – кричит она, что для нее крайне необычно. Но я давно знаю ответ на ее вопрос.

- Я верю... в тебе есть что-то хорошее.

Я знаю, потому что она не смогла убить меня три года назад. Шики не дает ответа и заставляет меня задуматься, где она, как она выглядит сейчас, после семи дней. Какое у нее было выражение лица, когда она услышала эти слова, в том, ином мире, по ту сторону телефонной трубки. Но все заканчивается словами прощания.

- Никогда не меняйся, Кокуто. Я же говорила тебе. *Шики* всегда ненавидела эту твою черту.

После этого звонок обрывается. Все, что я слышу, это короткие гудки, показывающие, что она повесила трубку. Ее последние слова были теми же, что она сказала, стоя под дождем в прошлом году, в конце лета.

Часы в моей комнате показывают 12 февраля, 7 часов вечера. Моя ненависть к незаконченным делам – единственное, что толкает меня вперед, и вскоре я забываю, что не спал уже два дня, и выхожу из квартиры.

13

Август.

Каждый день мой мозг продолжает давать почву растущему безумию.

Я знаю, в тебе есть что-то хорошее.

Я вспоминаю эти слова, и они заставляют мои ноги остановиться. Когда я осознаю, что единственная эмоция, которую слова вытягивают из меня – это сильное раздражение, я злюсь еще сильнее.

- Оптимизм, наверное, у него в крови, - заключаю я, сжимая зубы, представляя, какое глупое выражение лица у него было, когда он говорил это. Я пытаюсь изгнать это изображение из головы.

За четыре года он не изменился. Все еще цепляется за веру в убийцу, все еще пытается улыбаться мне, как будто все хорошо. Дает мне вкус нормальности, обещание достижимой мечты, но все это лишь глупая фантазия. Фантазии кого-то столь ненормального, как я, о жизни и месте под солнцем. *Шики* всегда ненавидела их, и теперь я понимаю, почему.

Прошлое всегда возвращается, чтобы рассчитаться с тобой. Я один раз пыталась убить его, и я не знаю, смогу ли остановить себя еще раз. И потому я должна быть далеко от него, чтобы мне не нужно было задаваться этим вопросом, далеко от любой боли, которую только рождает его присутствие. Но это все делает из меня старую «я», которая считала Микию неприятной помехой. Я не могу сказать наверняка, правда ли я верю в это. Проходит два часа с моей беседы с Микией, и я наконец добираюсь до места, где скорее всего прячется Ширазуми Лио. Я выследила его прежде, чем звонить Микии. По его следу довольно легко идти. Кровь, запах травы и несколько вопросов уличным наркоторговцам, которых я лишь немного запугала и избила, вскоре указали мне нужное направление.

Теперь я снова здесь, желаю покончить с этим раз и навсегда.

Ночью гавань мертва, стальные контейнеры с грузом собраны в кучи, создавая импровизированные конструкции, из-за которых это место выглядит городом, возведенным за ночь. Где-то здесь находится последнее укрытие смертоносного чудовища. Со временем я добираюсь до части гавани, выделенной под склады и хранилища, и к этому моменту уже переваливает за девять вечера. В этой части города живет не так уж много людей, и еще меньше имеют причины или желание идти сюда. Компанию мне составляют только черное море и высокие фонари, создающие маленькие лужи света на улицах и тротуарах под ними. Идеально. Никто и не подумает вмешиваться. В конце концов, я добираюсь до цели: довольно большой склад рядом с Широким мостом. Я сжимаю нож в левой руке, а правая спрятана в кармане куртки, пальцы держат маленький метательный нож. Собравшись, я подхожу к зданию. По размерам оно похоже на школьный спортзал. Стены достигают восьми метров, и окна расположены на равных расстояниях друг от друга на высоте семи метров. Подозреваю, есть более крупные окна в крыше. Как и в теплице, там днем должно быть очень светло.

Издали мне показалось, что придется пробираться внутрь через окно, но, подойдя ближе, я поняла, что этого не потребуется. Стальная дверь главного входа слегка приоткрыта, ручка давно поглощена ржавчиной. Да, не удивлюсь, если это ловушка. Я кратко размышляю о том, чтобы обойти здание, но вспоминаю Микию. *Убей Ширазуми, и пути назад не будет.* Интересно, что он хотел этим сказать.

Да пошел он. Чем быстрее я убью Ширазуми, тем быстрее я выкину эти сомнения из головы. Если вход через парадную дверь означает, что я быстрее выманю Ширазуми, то путь так и будет. Я открываю дверь и проникаю внутрь, покидая тоскливый порт и входя в намного более странное место.

Окна и правда расположены в крыше, и вместе с окнами по бокам они оказываются единственными возможностями лунному свету пробраться внутрь. Свет показывает, для чего использовался этот склад. В нескольких метрах от входа на открытой почве посажена густая растительность. Растения достигают колен, все они одного вида. Посредине они пересекаются бетонной дорогой. Это он. Это его сад.

Шорох в кустах привлекает мое внимание. Туда не попадает лунный свет. Я не одна. Он следит за мной, выбирая следующий ход. Я неожиданно осознаю, насколько я здесь уязвима. Какого черта я вообще вошла в столь очевидную засаду, где у него есть преимущество? Микия и его глупые слова. Он так сильно сбивает меня?

В тот момент громко шуршит листва, и я вижу фигуру, выбегающую из растений. Она так близко ко мне, что я вздрагиваю. Он пробегает последние несколько метров энергичными шагами, вылетая из теней в прыжке, высоко подняв нож для удара сверху. Хороший ход,

но он показал себя слишком рано. Моя левая рука движется, парируя его атаку моим клинком. Удар отражен, но он так силен, что моя рука начинает дрожать.

Любой опытный боец заметил бы это и нарастил свое преимущество до верной победы, но Ширазуми явно не столь опытен. Он использует этот момент, чтобы сбежать, прыгая вверх, подальше от меня. Как и прошлой ночью, он прыгает нечеловечески высоко и далеко.

Конечно, не будучи птицей или пауком, я не могу последовать за ним. Но я была к этому готова. Как только он прыгает, я рассчитываю, куда он приземлится. И прежде, чем он касается земли, метательный нож уже брошен моей правой рукой, чтобы перехватить цель. Полторы секунды спустя я вижу, что попала достаточно точно, чтобы заставить его издать крик боли, когда он падает на пол. Я уже бежала к нему изо всех сил, когда бросала нож, и в тот момент, когда он падал, я ставила на его падение и на то, что нож достаточно сильно ранил его, чтобы дезориентировать и запутать. Моя ставка сыграла и дала мне несколько дополнительных секунд, которые были нужны, чтобы добежать до него и, забравшись сверху, прижать к земле.

Теперь он смотрит на меня, на его лице смесь замешательства, злости и удивления. Он удивляется тому, как быстро я адаптировалась после вчерашнего неоконченного танца? Чем бы оно ни было вызвано, я смакую его выражение лица и то, что он лишился дара речи. Мальчишка, так похожий на меня, молчит, и моя левая рука поднимает нож.

Мальчишка. Вот кем он является. Маленький мальчик, бессильный и напуганный.

- погоди... погоди, - умоляет он. Но у жертвы нет права просить отсрочки.

Я опускаю нож... так же, как когда-то, но на другого мальчишку, в другую залитую дождем ночь.

- Что? – звучит голос, задохнувшийся от удивления.

Это голос жертвы. Мы оба поражены случившимся. Нож у его горла, и я остановила его прямо перед тем, как он пронзил плоть и окрасил его улыбку кровью. Я вливаю силу в левую руку. Ни один из нас не сбежит. Мальчишка не сбежит от моего ножа... а я не избежу надевания его шкуры, превращения в убийцу. И после этого я буду снова одна, не имея места, которое смогу назвать домом, не имея ничего, что сможет ранить или причинить мне боль, буду жить свободно. Дочь хаоса.

Так почему моя левая рука не двигается? Почему я не могу убить Ширазуми Лио?

Пути назад нет. Эти слова крутятся у меня в голове.

У жертвы было достаточно времени, чтобы воспользоваться этим моментом. Он сталкивает меня, пытаюсь вырваться из хватки. Он встает, хочет сбежать, но при этом подставляет мне беззащитную спину. Он не узнает. Мои глаза и их Магия рисуют узор линий смерти, и я вижу, как они бегут по его телу. Осталось только взмахнуть ножом. *Нет пути назад.* И вот так я лишилась моего последнего шанса. Это я позволила ему ускользнуть. Какой фарс. Великий фарс. У меня был шанс насладиться сладостью убийства, которого я так долго ждала, но я не смогла пересечь последнюю границу пустоты. Все из-за таких простых слов.

- Черт! – рефлекторно кричу я. Я не просила пути назад в его мир. Я не просила прощения у мира. Но почему?

- Все из-за... него, - страдальчески и злобно шепчу я.

Теперь жертва, которой я позволила ускользнуть, начинает смеяться. Жертва, которая секунду назад боялась хищника перед ней, увидела, каков на самом деле ее враг. Сломан.

И теперь он возвращает себе одеяние из прошлой ночи, маску смертоносного чудовища. И я не могу убить его, не могу остановить его, не могу даже заставить себя бежать.

14

Август.

Арайя был прав.

Я идеален.

Никто не может винить меня за убийство. Оно также неизбежно, как восход солнца.

Это дар безумия.

Льет дождь.

Я открываю глаза на стук дождя по крыше. Низкий, приглушенный шум.

- Ха. Все еще жива, - замечаю я, мой голос приглушен.

Следующее, что я чувствую – это бетон под моей спиной, прежде чем понимаю, что лежу, отчего на мгновение мне становится неудобно. Я немного поднимаю голову, зрение по-прежнему плавает. Зелень. Трава по всему складу. И внезапно я вспоминаю, где я.

Я смотрю на окна в крыше. Солнечные лучи льются через них, но они приглушены и обесцвечены тяжелым дождем. И все же попадающий сюда свет удивительно ярок,

настолько, что место кажется хорошо освещенным, но это мало меняет мрачность сада. И я лежу здесь.

Мои последние воспоминания не спешат приходить в голову, но я думаю, что Ширазуми Лио вырубил меня. Мои руки скованы стальными наручниками, все тело ослабло. Видимо, из-за какого-то наркотика. Даже сознание сейчас меня подводит. В голове пусто. Все, что я знаю, это то, что я здесь, скованная и лежащая на бетонном полу, сражающаяся со сном и едва способная сфокусироваться на чем-то, кроме ленивых следов капель холодного зимнего дождя на окнах крыши. Я замечаю, насколько тут холодно. Это проклятый наркотик, которым он накачал меня. Я закрываю глаза, и разум тут же возвращается к воспоминаниям, которые последнее время так сильно обременяют меня. Воспоминания трехлетней давности, которые сейчас кажутся далекой и совсем другой жизнью.

Льет дождь.

Ночь так холодна, что, кажется, кости могут рассыпаться, как лед. Неприкрытая от дождя, *Шики* преследует Микию Кокуто. Она бежит, полагаясь на слабое мерцание уличного фонаря, пробивающегося через завесу дождя. Мокрый асфальт отражает призрачный свет, даже когда тени танцуют на его поверхности. *Шики* отчаянно бежит. Человек в черном плаще похитил Микию, но теперь она видит его впереди, он совсем один. Никто ему не поможет.

Когда она догоняет его, она снова поднимает свой нож. Мальчишке нечего сказать, и он не может бежать, потому что *Шики* ранила его ногу. Кровь из пореза все еще течет, стекая на асфальт и смешиваясь с дождем. И все же, когда Микия был в ее руках, когда один удар мог вынести ему приговор, она застыла в нерешительности.

- Почему? – шептала себе *Шики*.

- Почему?! – повторяла она, крича от ярости. Она чувствовала, как желчь поднимается в горле. Они стояли друг перед другом с напряженными лицами.

- Когда я с тобой, это всегда так тяжело. Ты показываешь мне то, чего у меня никогда не было, но мое безумие нарастает с каждым днем. И поэтому... я должна убить тебя. Чтобы иллюзии, который ты дал мне, просто рассеялись! Чтобы я смогла перестать верить в ложь! *Чтобы я смогла снова стать тем, чем являюсь!* - кричит она, ее голос ясно слышен даже в шуме дождя.

Она кричит голосом ребенка, запутавшегося, готового разрыдаться, злого и полного ненависти к самому себе. И даже в бесконечной серой завесе дождя Микия видит, что слезы текут из глаз *Шики*. Он пытается найти нужные слова.

Внутри *Шики* ее друг и мучитель **Шики** шепчет беззвучные мысли. **Все люди мечтают, Шики. Как можно быть настолько бессердечной, чтобы запрещать себе делать это? Сколько еще боли ты сможешь вытерпеть?** После этих слов она ощущает знакомое чувство соскальзывания другого сознания в ее часть разума.

И в итоге убийственный импульс *Шики* был остановлен не ей и не Микией. Потому что это **Шики**, всегда спавший, всегда мечтавший, не хотел разрушать мечты о существовании с Микией. Потому что не важно, насколько нереально далекой она могла быть или насколько болезненна идея - это важная причина жить. И потому она останется, ибо ее изгнание лишь еще сильнее ранит *Шики*. Но *Шики* запуталась, она не способна ничего понимать. **Шики** должен сделать все сам.

Девушка, теперь управляемая кем-то иным, делает небольшой шаг назад, все еще стоя напротив Микии. Еще один маленький шагок, ближе к дороге за ее спиной. Издали

приближаются фары - луч света, несколько приглушенный дождем. Это она решила тогда, когда машина была настолько близко, что она слышала рев ее двигателя. Микия никогда не осознавал простоты ответа.

- Если я не могу заставить уйти тебя... я заставлю уйти себя, - сказала она, словно в мольбе. Она улыбнулась в свои последние мгновения нежной, искренней, счастливой улыбкой, но мимолетной и вскоре растаявшей. И в следующую секунду лучи фар стали ослепительно яркими и залили ее светом. Она приветствовала их. В ночном воздухе прозвучал визг тормозов, но было слишком поздно. Она полетела.

Я так долго забывала эти воспоминания, но как сказал тот маг, Курогири, они всегда прячутся в тебе. Они не развеиваются и не гниют.

Той ночью я должна была умереть, а из комы проснулся бы **Шики**. Но в те последние мгновения он забрал мое сознание и стал жертвой. Для него это был единственный способ защитить его мечту. Он знал, что случится. Он знал, что если он останется в этом теле, что если ничего не будет сдерживать его, то его существование сфокусируется на убийстве. И он доверил мне задачу сделать мечту реальностью. В конце концов, он ничего не мог, кроме как спать в своем кратком существовании. Я правила телом, и пока я была у руля, он всегда спал. Он был опасен как зверь, загнанный в угол и бросающийся на всех при освобождении, и всегда связан с природой смертоносного чудовища. Без нее он не мог существовать.

И все же он вынашивал нашу общую мечту - мечту о нормальном существовании. И это не было очень уж странно. Разве мы не были одинаковыми, с одинаковым воспитанием и опытом? Вполне логично, что мы хотели одного и того же. Но я могла поддерживать маскарад нормальности. **Шики** – нет. Он был парадоксом моего существования, презирал других людей, но желал быть одним из них. Он никогда не смог бы увидеть свою мечту обо мне, живущей полной жизнью. Его единственная мечта, противоречащая его существованию, возложена на меня. Мечта, которую мы встретили тем мартовским днем - одноклассник, который понравился **Шики**. Тот, кто, как я горячо надеялась, поведет меня по невозможному пути. **Шики** знал, чем все закончится, если он останется внутри меня, но существование Микии всегда угрожало бы моему привычному образу жизни и привело меня к безумию и к его смерти от моей руки. Наша мечта, разрушенная моими собственными руками. **Шики** предвидел этот конец и выбрал единственный выход. Он должен был исчезнуть, чтобы защитить нашу мечту. И для **Шики** мечта продолжается. Это потому я хочу, чтобы Микия всегда помнил **Шики**. Потому что сейчас эта жизнь – мечта, о которой всегда думал **Шики**. Это потому я говорю как он, чтобы напомнить всем о человеке, который был частью моего собственного сердца.

Дождь не останавливается, и, скорее всего, он сделает этого и в ближайшее время. Мой разум все еще в тумане, все еще хватается за полузабытые воспоминания о двух личностях и так долго хранимых эмоциях. И все же это полезный бредовый сон. Когда **Шики** умер, никто не поднял за него свечу. Никто не поминал его. Даже я. Я думаю, я никогда по-настоящему не принимала его смерть. Но теперь этим финальным воспоминанием я понимаю, что пришло время дать ему уйти. Это мои поминки по моему первому другу.

Я вспоминаю его последние мысли, прежде чем машина сломала меня:

Спасибо. Но я никогда не подумаю о том, чтобы убить тебя.

Это должна была услышать не я, а Микия, который беспомощно тянул ко мне руки, но мог лишь наблюдать. Убийство было единственным способом для понимания, последним

способом для дружбы. Но **Шики** даже не мог сказать этих слов тому, кто это на самом деле заслужил.

Второе расследование убийства – 5

Убийство не затыкает голоса.

Одиночество делает их лишь громче.

Мне нужен кто-то такой же, как я. Кто-то такой же сломанный.

Одиннадцатое февраля, четверг.

Я долго думал о том, что рассказал мне Ширазуми, и наконец решил поговорить с Токо-сан. До этого момента я пытался не допускать ее до того, что было личным делом, но если рассказ Ширазуми - правда, то на него как-то влияет Магия. Как только я услышал от него это слово, я знал, что будет разумно проконсультироваться у единственного (порядочного) мага, которого я знаю. Так что под ливнем, который льет с зари, я еду в офис Токо-сан, хотя это лишь остановка перед поездкой в гавань. Попробую разузнать что-нибудь новое.

На то, чтобы рассказать ей все, что я узнал о наркотиках и, особенно, о Ширазуми Лио, уходит больше времени, чем я рассчитывал, и когда я заканчиваю, она только хмыкает себе под нос и зажигает еще одну сигарету. Долго прождав ответа, я все-таки говорю сам:

- Что-то не так, Токо-сан?

Она смотрит на меня недовольным угрюмым взглядом, а потом снимает очки.

- Нет, все нормально. Просто думаю, как бы тебе получше сказать, что твоему другу помочь нельзя. Если прошло четыре года с тех пор, как его Исток пробудили, тогда он... ну, он больше не твой друг.

Дым взлетает с кончика сигареты, которую она положила в пепельницу. Она кладет голову на руку и, словно в молитве, поднимает взгляд вверх.

- И все же - один из пробужденных? Паршивый прощальный подарок, даже для Арайи. У такого слабовольного человека, как твой друг, не было ни шанса против силы Магии. Его деградация была неизбежна.

- Вы можете мне объяснить, что это вообще за «исток» такой? Ширазуми сказал, что это какой-то инстинкт, который подавляет твою собственную волю или что-то вроде того.

- Отчасти верно, но неполно, - говорит она, переложив сигарету в левую руку, чтобы можно было жестикулировать правой. - Если ты думаешь, что прожить двадцать лет достаточно, чтобы понять, кто ты есть и что ты управляешь своим телом, подумай еще раз. Твоя воля также податлива, как и любой аспект реальности, которым может манипулировать Магия. Характер управляет твоим разумом, и плоть проявляет это снаружи. Солипсизм оказался ближе к истине, чем кто-либо мог подумать.

Она кладет свободную руку на подбородок, прежде чем задать мне странный вопрос.

- Ты веришь в прошлые жизни, Кокуто?

- Не могу сказать, Токо-сан. Я не могу подтвердить это, но и категорически отрицать не хочу.

- Слова истинного политика, зуб даю. Цикличность и повторение. Ты видишь их везде, от оккультного знания до научных теорий. Духи, души и жизнь. Вне этих концептов есть исток, перерождающийся вечно во что-то иное. И из этого хаоса рождается определенный порядок. Конечно, считается, что Маги используют это воплощение древней силы, склоняя нас к определенному аспекту личности. Очищающий цикл рождения, смерти и перерождения. Следуй за истоком к сотне прожитых спиральных жизней, пока не достигнешь первичного истока души.

- Ассоциация учит, что есть время и место, где началось существование всего. Но в вечном парадоксе там нет жизни. Только импульс создания. Подавляющая директива, энтропическая тенденция к хаосу, которая направляет всю реальность. Осколки творения обретают цель, задачу, размещая себя в подходящих символически местах картины реальности. Возможно, животное. Или растение. Иногда, может быть, это будет человек, обретший душу. Иногда эти цели могут ощущаться как императивы.

- Этот хаотический импульс – это то, что маги называют Истоком. Это инстинкт?

Греческий «демон»? Зов предков? Моменты гениальности? Глас Бога или дьявола?

Спроси пять магов, получишь пять разных ответов. Но чем бы это ни было, оно выжжено в твоей душе, и глупо будет отворачиваться от этого.

Она улыбается, как будто то, что она сказала, было очень простым. И все же я понял ее на удивление хорошо.

- Подавляющее большинство людей, однако, никогда не узнает об этом. Он просто *есть*, достаточно близко, но не настолько, чтобы быть важным. У всех людей степень влияния истока различна. Шики, чей исток «пустота», подчинена ему довольно сильно. А Азака, чей исток «табу», все еще вполне нормальна. Но те, кто пробудил его, ну... это совсем иное дело.

Она смотрит на меня суженными, бритвенно острыми глазами. Даже я знаю, что это значит.

- То есть, пробуждаясь, ты полностью отдаешься этому импульсу? – предполагаю я.

- Да. Понемногу. Лио Ширазуми сражался с ним на каждом шагу. Но в итоге у него нет иного выбора, кроме как подчиниться. «Поглощение» - довольно редкий исток. Я могу понять, почему Арайя присматривался к нему. Подумай, Кокуто. Если исток Лио – поглощение, значит, линии хищников были династией его истока. Когда ты пробуждаешь свой исток, вес всех твоих прошлых жизней становится слишком тяжел. Лио Ширазуми теперь скорее зверь, чем человек. Хотя его человеческое «я» Ширазуми Лио все еще живо, зверь будет уничтожать его до тех пор, пока оно полностью не исчезнет. Довольно интересное развитие событий, честно говоря, - холодно говорит она, добавляя смешок к последнему комментарию.

Хотя она всегда склонна к такому черному юмору, в этот раз я не могу игнорировать ее слова.

- Все эти дела с магией для вас – просто игра? Это все вина мага. Того, кого он встретил. Ширазуми не сам на себя это навлек.

- Да ну? – отвечает она, в ее голосе появляется характерная угроза. – Заклинание пробуждения истока не может быть наложено одним магом. Пробуждающийся должен первым почувствовать зов его души. И потом произойдет сделка в форме заклинания, основанная на согласии пробуждающегося. Что значит, у Ширазуми Лио всегда был выбор. Его трансформация в зверя произошла по его собственной воле, как и его убийства. Он хотел этого. Жизнь, которую он отбросил, нельзя вернуть, как бы он ни хотел этого. Слишком поздно. Это истинное лицо человека, которого ты знал, и ты будешь дураком, если подумаешь, что я лгу. Его последние слова были предсмертными муками проклятого человека, пытающегося вырвать из тебя последнюю симпатию. Говорят, у хорошего учителя всегда суровый и твердый голос. Именно так звучит сейчас голос Токо-сан, голос, который я ни разу не слышал с ноября, и она никогда не говорила и не выглядела серьезнее. И поэтому я точно знаю, что она не шутит. Она смотрит на меня, нахмурившись, возможно, ожидая, что я продолжу наступление. А потом разочарованно отводит взгляд, жалея, что я не дал ей словесных патронов, чтобы расстрелять меня. Осталась только беспомощность.

- Получается, мы не можем для него ничего сделать?

- Заклинание, которое связывает его, это последнее, великое достижение мага, который использовал медиум душ, чтобы гнаться за вознесением. Будет милосердием даровать ему упокоение, но мы не можем остановить его. Просто чудо, что Ширазуми Лио продержался так долго. Завтра он будет иным, зверем, отрекшимся от своей человечности.

Я хочу плакать от тщетности всех своих усилий. Он просил меня спасти его. Зачем ему это делать, если он знал, что его не спасти? Было ли это правдой, или, как говорит Токо-сан, лишь уловкой для чего-то более зловещего?

- Ох, блин. Тебя легко читать, Кокуто. Ну, я не могу остановить тебя, но ты выходишь на бой с чудовищем. Оставить его Шики будет мудрым выбором. Она же охотится за ним, чтобы закончить историю, начавшуюся четыре года назад.

Урегулируем вопросы, а? Это лишь часть, но точно не все. Я не мог не думать, что в нашей беседе прошлой ночью я слышал то же напряжение, как и в ту ночь, когда потерял ее. Когда она почти выбрала убийство. Что могло так подтолкнуть ее к убийству?

- Токо-сан, почему люди убивают друг друга? – спрашиваю я, не надеясь на ответ. Она с удобством откидывается в офисном кресле и выдает ответ без раздумий.

- Выпускают эмоции. Когда ты убиваешь, это внешнее проявление твоих чувств. Люди могут сдерживать в себе лишь определенное количество эмоций. Будь это любовь или ненависть, когда ты наполнен эмоциями, они как-то должны выйти. Так мы справляемся. Те, кто ненавидят, пытаются забыть или отделить себя от того, что они ненавидят.

Крайность ненависти – убийство. И потому они видят в этом самосохранение. Моральный код, за который они цеплялись, временно исчезает, становится мелочным.

- Но есть люди, которые совершают убийство без причины, - вставляю я.

- Это резня, а не убийство. Когда человек смотрит на свое прошлое и свое человеческое достоинство, оценивает их и отбрасывает - вот *это* убийство. Так человек платит цену и несет тяжесть греха убийства. Но резня совсем другая. Жертва может быть человеком, но вот убийце недостает человеческого достоинства, и потому его нельзя считать человеком. Грех не является для таких убийц тяжестью.

Я вспоминаю дневник и то, что в нем было написано. *Убить кого-то – значит, убить и себя.*

- Новости всегда рассказывают о смертоносном чудовище. Что они хотят этим сказать?

- То, что и говорят. Чудовище, которого ничего не заботит, вырезающее себе место в мире, пока не исчезнет, как стихийное бедствие. Люди, притянутые его влиянием, несчастные, невезучие души.

Ответ Токо-сан шокирует меня. Я могу поклясться, что я слышал те же слова от Шики. Да, прямо перед ее исчезновением десять ночей назад. Мы смотрели новости, и она сказала мне, что не может сказать, что преступник совершал убийства. Как она говорила, в жизни есть место только для одного настоящего убийства.

- Точно... теперь я вспомнил... - тихо бормочу я.

Да. Токо-сан и Шики говорят одно и то же. Шики как-то говорила мне фразу, которая, по ее словам, была последним подарком ее деда. Семейные слова, которые вели ее всю жизнь. Но она вот-вот заблудится. Я и смертоносное чудовище пришли к одинаковому выводу, понимая это или нет. Я не думаю, что знаю, что Шики чувствует насчет меня, но что-то причиняет ей боль и заставляет ее срываться и убивать. Что-то внутри нее выпускает чувства, с которыми, как я думал, она рассталась навсегда, и теперь она полагает, что убийство может спасти ее. Ее импульс убийства снова выигрывает.

Ширазуми думает также. Но он считает, что ему выгодна потеря контроля Шики.

Возможно, он думает, что он наконец найдет друга, такого же, как он. *Кого-то настолько же сломанного*, как было написано в дневнике.

- Простите, что побеспокоил вас, Токо-сан, - неожиданно говорю я, вставая со стула.

Токо-сан хмурится так, как она всегда делает, когда уже знает, что я намерен делать.

- О, мы закончили? На улице ливень, Кокуто. Подумай, может, лучше будет остаться тут?

- Простите, Токо-сан. Я понял, что должен идти.

Я кланяюсь, прежде чем выйти за дверь. Перед тем, как дверь офиса закроется за мной, я слышу голос Токо-сан:

- Береги себя, Кокуто. Увидимся завтра.

/5

Я вижу старые, горькие воспоминания.

- В жизни любого человека придет время, когда он убьет.

- По-настоящему?

- Да. И придет время, когда любой человек позволит себе умереть.

- Позволит?

- Жизнь есть жизнь. И смерть уважают и боятся, считая ее истинным концом. Всякая жизнь равноценна. И все же ты не можешь забрать ту, что считаешь своей.

- А как же ты, дедушка?

- Я тоже не могу. На этих руках слишком много крови. Я стал смертью для многих, так что я должен отдать право на мою. Никто не хочет платить цену за мою смерть, так что меня ожидает лишь последняя пустота и одиночество забвения.

- Так есть место лишь для одного убийства?

- Да. В жизни есть место лишь для одного убийства. После этого все становится не столь значимым. Первое - всегда самое важное решение. Люди, устраивающие резню, никогда не убивали себя. Потому что их смерть не будет смертью человека.

- Твоя болезнь причиняет тебе боль, дедушка?

- Да, и я боюсь, здесь мы и расстанемся. Прощай, *Шики*. Пусть твоя смерть будет спокойной.

- Дедушка? Что происходит? Почему ты умираешь в таком одиночестве? Дедушка...

Звук чего-то липкого вторгается в мои сны, и я просыпаюсь. Звук, отличный от бесконечного стука дождя по крыше, который теперь стал частью спектра игнорируемых фоновых звуков. Я открываю глаза, изгоняя видение из глаз. Здесь, на бетонной дорожке, врезающейся в середину зарослей, я лежу, брошенная, со связанными руками.

Мало что изменилось с моего прошлого пробуждения, хотя слабость в моем теле уменьшилась. Я замечаю, что с некоторым усилием могу двигать ногами, хотя руки все еще неподвижны и бесполезны. Это знакомое чувство. Также я просыпалась из комы. Но в этот раз мой имитатор и самый большой фанат стоит надо мной. Ширазуми Лию. Постепенно возвращающимся зрением я вижу, что он стоит с половинчатой ухмылкой на лице. Грубая улыбка, обращенная ко мне.

- Ты проснулась быстрее, чем я ожидал, моя леди Смерть, - говорит он, опускаясь на колени рядом со мной. В одной руке он держит наготове наполненный шприц.

- Похоже, наркотики на тебя оказывают довольно слабый эффект. Я знал, что нужно использовать сначала это.

Он хватает одну из моих скованных рук и вводит иглу в вену. Онемевшая рука не чувствует боли. Все мое тело ослаблено и не отвечает на команды, как будто сломанный механизм. Все, что я могу делать, это смотреть на мужчину.

- Этот взгляд твоих глаз идеален, - говорит он с различимым восторгом. - Ты всегда должна так смотреть. Расслабься, я просто вколол тебе миорелаксант. Ты должна быть неподвижна для следующей процедуры. Я не хочу, чтобы ты шумела.

Теперь он сидит на бетонной дорожке, и его глаза бегают по моему телу, словно пожирая его. Наши глаза встречаются, и я отворачиваюсь от него с отвращением, предпочитая смотреть на дождь за окнами.

- О, какими долгими были эти три года? Как давно я был *так* близок к тебе? Я бы хотел, чтобы ты могла почувствовать, насколько мне хорошо, когда мое ожидание наконец-то вознаграждено.

В его голосе слышна страсть, и я не чувствую, что должна уважить его ответом, хотя я позволяю ему читать его речь как он хочет.

- Арайя четко объяснил мне, каким провалом я был. Сказал, я слишком «не похож» на тебя, что бы это ни значило. Может, проверить в это? Как мы можем быть не похожи друг на друга? А, Реги? Когда мы, убийцы, одного поля ягоды. Ты *знаешь*, что мы с тобой не принадлежим их миру. Сломанные люди вроде нас должны держаться вместе, *ближе*. Я не отвечаю ему. Мой разум занят мыслями о чем-то другом, далеком от этого места. И все же парень настаивает на своей никчемной игре.

- С той автокатастрофы я следил за тобой. Смотрел, с кем ты сталкиваешься в жизни. Те двое, кем Арайя манипулировал, чтобы сделать тебя той, кто ты есть, немного беспокоили меня, но я не мог вмешаться. Арайя следил за всем. Он использовал людей, как инструменты. Разве это не отвратительно? Разве это не бред? Но как я мог противостоять ему? Я держался подальше от тебя, как он и приказал. Так что, пожалуйста, не злись на меня. Это не моя вина. Я никогда не забывал тебя. Воспоминания о тебе всегда были сладки. И когда Арайя был уничтожен, я знал, что, как и ты, я свободен от его влияния. Я знал, я был тем, кто сможет сделать все ради тебя. Да, как я ждал дня, когда я смогу поговорить с тобой, как сейчас.

Он наклоняется ко мне так близко, что я чувствую его дыхание, пахнущее дымом и травой. Так близко - ему приходится встать на четвереньки и склониться надо мной, его лицо висит прямо над моим. Потом неожиданно он отползает, берет одну из моих ног и прижимает губы к голени в нежном поцелуе. Он издает отвратительный вязкий звук, сопровождаемый ощущением влаги на коже. Его язык грубо бежит от голени, медленно двигаясь вверх, дрожа при каждом касании.

Я храню молчание, так что единственным звуком, раздающимся на складе, является его собственное яростное дыхание, все ускоряющееся с каждым ударом сердца. Мое тело не делает того, чего я хочу, но мои чувства также остры, как раньше. Я чувствую, как пот стекает по моей брови и собирается на затылке и на груди, как будто сейчас середина лета.

Он берет край моего кимоно в рот и разрывает его одним резким движением, как собака. Поглощенный действием, Лио Ширазуми дышит на мою кожу. Его язык теперь на колене, заливает его слюной и двигается дальше. Теперь он касается бедра, липкий звук не слабеет. Его слюна сворачивается на моей коже. И все же, как бы сильно я ни хотела говорить, что-то сказать, кричать - я убиваю свой голос. Наконец он достигает талии. Словно не замечая, что на мне надето кимоно, его рот продолжает двигаться вверх, облизывая ткань. Слюна продолжает течь, и даже через ткань я чувствую влагу. Наручники становятся узкими и мучительными.

Язык зверя карабкается, очерчивая контур моей груди, беря на мгновение каждый сосок в рот, прежде чем подняться к шее, затем к щеке, и наконец к глазу, формируя линию. Теперь его лицо снова нависает над моим, пар его дыхания бьет меня прямо в лицо. Его вони и того зловония, которое он излил на мое тело, почти достаточно, чтобы меня вырвало.

- Ублюдок, - наконец говорю я единственное слово, которого мне не жалко для него. Улыбка, которая появляется на его лице – это улыбка удовлетворения. Теперь он снова спускается, в этот раз открывая рот и впиваясь зубами мне в шею. Зубы вонзаются в кожу, боль яростна и остра, намного сильнее, чем от обычного укуса. Я резко вдыхаю из-за боли; словно клинок медленно входит мне в мозг. Звук – единственное удовольствие, которое я дам ему. И также неожиданно, как и начал, он отступает, оставив отметку зверя на моей шее. Я чувствую, как кровь вытекает из нее, оставляя ленивый след, медленно капая из открытой раны.

- Нет. Я не могу... есть. Ты еще не вернулась. Ты не стала той, кто ты есть.

Он шепчет эти слова и встает.

- Я тебя так люблю, поэтому ты получишь дополнительный, особый уход. Поглощение – мой исток, и когда он высвобождается, я должен есть все без разбора. Но предпочитаю все еж людей. Перед тобой сейчас стоит Ширазуми Лио, которого почти покорила импульс. Однако я не могу проиграть такой банальности. Покуда ты здесь, я выдержу, да. Как будто пытаюсь доказать свое утверждение, он встает и отходит от меня.

- Опять ты отказалась убить меня! Ты не совершила ни единого настоящего убийства. Арая не был человеком, лишь убеждением, обретшим форму. Но ты большее чудовище, чем я, так почему в твоём прошлом нет ни единого убийства?

Его дыхание дребезжит сильнее, чем минуту назад. Разозленный, он оборачивается ко мне.

- Это проблема, которую нужно исправить. Если не будет кого-то вроде меня, я не смогу обрести мира. Я всегда буду таким! Это ты... ты та, кто мне нужен. Я думал, ты такая же, как я, но ты предала меня! Если я не смогу заполучить тебя, импульс покорит меня! Под конец он начинает кричать, и сложно отличить отчаяние от ярости. Зверь по имени Ширазуми Лио неуверенной походкой уходит от меня, отступая в кусты.

- Подожди меня, ладно? Я должен позаботиться о том, кто держит тебя на поводке.

Он все дальше и дальше уходит во тьму, пока, наконец, не пропадает из вида.

Хотя я знаю, что он хочет сказать, и хотя я знаю, что он намерен сделать, я не могу сфокусироваться. Это из-за наркотиков? Все, о чем я могу думать – это размытые воспоминания, бессвязные куски памяти, которые плавают во снах. Количество капель, падающих на окно, и что нас ждет завтра. Бессмысленные вещи. Я должна *сфокусироваться*. Зачем я вообще искала убийцу? Есть много причин, но самая важная ускользает от меня.

Я... я хотела покончить с этим, раз и навсегда. Возвращение убийств, разбитые воспоминания о том, что случилось четыре года назад... и мой страх возвращения желания убить его, как и в ту залитую дождем ночь. Все это связано.

И погружаясь в мой спутанный разум, я вспоминаю. Если и есть чудовища в этом мире, то я хочу верить – я *должна* поверить – что я не одна из них. Я чувствую, что мои глаза намокают. Я хочу вернуться. Назад, к хрупкой жизни, которую я вела последние полгода после пробуждения. Я хочу доказать кому-то, что я могу быть нормальной. Поэтому я искала убийцу. Чтобы закончить все это.

Но я забыла об этом. Я спала в забытых уголках города, охотилась за убийцей и всем этим дала силу убийце, который все еще прятался во мне. Мое упорство в преследовании сделало меня небрежной и привело в эту ловушку и в это положение. Если бы это была старая я – *Шики* трехлетней давности – этого бы не случилось. Я стала слабой, позволила Ширазуми Лио, отвратительному бешеному псу, осквернить меня.

Не существует больших доказательств глупости, чем я сама. Непростительно. Я хотела вернуться к Микии, увидеть его глупую улыбку, пожаловаться ему. Все это из-за него. Я стала такой из-за него. Вся моя слабость проистекает из него одного. Я бы не была такой, если бы его не было. И сейчас даже жизнь без него кажется невозможной.

- Это так глупо.

Наркотики все еще забирают долю моего сознания, но теперь мне намного легче. Мне все еще удушающе жарко, и я чувствую, что пот течет с меня ручьем, словно все тело вот-вот расплавится. Никто не может увидеть меня такой. Поэтому я должна идти. Я не могу лежать здесь вечно. Не такой я хочу быть. Я хочу вернуться. Вернуться домой. В единственное место, которое я считаю домом.

Странно, картинка в моем уме – это не изображение старого особняка Реги, но обычной и все же знакомой квартиры, где Микия Кокуто всегда ждет меня.

Второе расследование убийства – 6

Спустя два часа после того, как я покинул офис Токо-сан, я добираюсь до склада в доках, не так далеко от комнаты Ширазуми, которой я нанес визит. Логично, что здесь он выращивает траву. Он не мог делать этого вдали от дома, так что достаточно было найти просторное помещение, где можно ее спрятать и куда обычно никто не заходит. Длинный заброшенный склад когда-то служил складом пирсу, но владевшая им компания давно закрылась, что сделало его идеальным кандидатом в место, где можно прятать, хранить и выращивать траву.

Я приближаюсь к зданию, не замечая зимнего дождя, льющего на меня так же, как и в последние несколько ночей. Этот склад особенно велик, и снаружи довольно чисто, словно кто-то хотел, чтобы он мог свободно вздохнуть. Большая стальная дверь, служащая передним входом, высотой превосходит меня в разы, и сейчас она кажется запертой. К сожалению, фокус с отверткой, который я уже использовал, тут не пройдет. Так что я предпочитаю обойти склад по периметру, чтобы попробовать найти другую лазейку.

Я иду к правой стороне здания, но не могу найти дверь или дырку. В стене есть окна, но от земли до них пять или шесть метров, я не заберусь туда без лестницы. Может быть, что-то есть с другой стороны. Все-таки если этот склад стоит прямо в доках, то стена со

стороны моря будет иметь какой-то вход, ведущий прямо в подвал, чтобы прибывающие корабли могли быстрее разгружаться.

Сделав круг по периметру, который, кажется, продолжался целую вечность, я наконец добираюсь до доков, и разумеется, вот он вход. Лестница ведет прямо в нижний волнолом склада, в котором расположена одна дверь. Я пытаюсь двигаться как можно тише, когда понемногу поворачиваю ручку. Кажется, открыто. Я медленно приоткрываю дверь, так, чтобы я смог пройти, и прокрадываюсь внутрь. Изнутри комната выглядит каким-то временным складом. Она велика, но несколько уже, чем я ожидал. Вскоре я замечаю лестницу, ведущую вверх, и дверь к главной части склада.

Я пытаюсь подобраться ближе, пока не различаю резкий металлический удар за спиной. Я слышу стон боли, слишком поздно понимая, что сам издал его. У меня не было времени почувствовать боль или прижать руку к голове, я смог лишь упасть, а потом темнота поглотила все.

Я просыпаюсь от ощущения, что я что-то глотаю, не желая этого, мой рот хватает воздух. Потом боль. Тупая боль в локте, и острая, неожиданная боль в ногах. Потом то, что вызывало боль, отступает от моих коленей, и чувство уменьшается до пульсирующей агонии. Я осматриваюсь, слишком запутанный, чтобы кричать.

Мое зрение все еще восстанавливается, и голова еще болит, но я вижу, что я в том же месте, где и был, вероятно, прошло лишь несколько минут. Только сейчас я замечаю, насколько тут холодно и насколько сильно я дрожу. Я пытаюсь встать, но боль возвращается в левую руку. Я смотрю на нее, и как ни странно, несильно удивляюсь, когда вижу, что локоть вывернут в обратную сторону. Я пытаюсь посмотреть на ноги, и вижу, что обе пронзены под колени каким-то клинком. Кровь вытекает, я это чувствую. Я не могу бежать.

Я ложусь на спину. Нужно собраться. Как ни странно, после того, как я проглотил то, что, как мне казалось, вбивали мне в горло, боль отступила до такой степени, что я едва ее чувствую. Наркотик, возможно, морфий. Но не существует ничего настолько быстродействующего. Если это, конечно, не лекарства, усиленные Магией. Я обдумываю положение и верчу головой. У противоположной стены замечаю чью-то неподвижную тень. Она смотрит на меня с любопытством, оперев одно колено на мусор и грязь на полу склада.

- Прости, дружище. Я не связываю мужиков. Предпочитаю делать вот так вместо этого, - говорит он, вставая и направляясь ко мне. То, что я вижу, притуплено болью и тьмой, и ощущение тепла и холода в одно время могут дезориентировать меня, но я четко могу различить, кто приближается ко мне.

- Ширазуми.

- Ты меня не слушал? Я велел тебе не искать меня. Это поэтому ты вечно оказываешься в таких ситуациях. Но все же я рад, правда. Ты пришел за мной. Я знаю, что ты на моей стороне, да.

Он выталкивает слово на долгом выдохе.

- Позволить Реги заполучить тебя будет большой потерей, теперь я понимаю это. Если бы только мы были настоящими друзьями.

Голос, произносящий эти слова, не принадлежит ему. Это гордые, хвастливые слова, но не слова Ширазуми Лио. Кажется, это просто представление, и я не могу смотреть на это как на нечто иное.

- Ты не можешь сделать человека таким, как ты.

В тот момент, когда слова вылетают из моего рта, боль в голове возвращается, и каждое слово лишь ухудшает ее, заставляет вскипать изнутри. И все же я продолжаю:

- Твои наркотики не сработали.

Кажется, что в комнате темнеет, когда Ширазуми хмурится, щелкая языком и глядя на меня.

- Ты опять слишком много болтаешь, Кокуто. Но ты прав. Я дал дуракам и жуликам наркотики, которые им были нужны, чтобы сыграть свои жалкие жизни. Они налетели на них, как мухи на труп. И я тот, кто продавал им счастье, был их новым невидимым чемпионом. Но это всегда было вторично.

Он дергается, каждое его слово как будто уходит от темы в сторону. Если он не может сказать это сам, то придется мне.

- Ты продавал не просто наркотики. Это было нечто большее, верно?

Он вздыхает и смотрит на меня пронзительным взглядом.

- Да. Я желал кого-то похожего на меня. Но только Реги может быть такой. И я подумал, может, я должен сделать их? Трава на складе – собственность Арайи. Немного отличается от той, что снаружи. Скажи спасибо Магии. В теле она разлагается очень медленно, эффект длится черт знает сколько. Твое тело не сможет сопротивляться. Ты обдалбываешься им, и он сжирает твой разум за несколько десятков употреблений.

- И тем, кто проходит, ты даешь бладчип?

- Это некоторая добавка для тех, у кого есть потенциал. Они уникальны, в них есть толика моей крови. Арайя говорил, что те, кто пробудился, привязаны к своим истокам. Я подумал, что моя кровь в сочетании с магией Арайи, циркулирующей по телу, будет иной. И я получил результат, который меня очень порадовал. Для многих бладчип – просто еще один наркотик. Некоторые умирают, неспособные справиться с ним. Но если кто-то сможет по-настоящему привыкнуть, он станет таким же, как и я. Но тогда о трупах тех, кто умер, мне нужно было позаботиться. Так что я пожирал тела людей, от одной мысли об употреблении которых в пищу мне становилось плохо.

- И ты сказал, что не убиваешь, потому что хочешь? Так ты теперь оправдываешь себя? Мое горло пылает, но я продолжаю ругать его. Лицо Ширазуми затуманено разочарованием.

- Это не моя вина, что они умерли из-за наркотика. Они хотели его, они его получили. Меня не касается, смогут ли они выдержать употребление. Мне их даже жаль. Если бы они только были похожи на меня, они могли бы жить и чувствовать великолепие свободы. Мое головокружение ухудшается, стены и пол, кажется, колеблются и незаметно движутся, пульсируя вместе с болью в голове. Возможно, это эффект от наркотика, который я проглотил?

- Никто не смог принять бладчип и выжить за те три года, что я этим занимаюсь, - объясняет Ширазуми. – Я был готов сдаться. Но потом Реги проснулась. Я возрадовался не меньше тебя, поверь. Этим мы связаны, дружище.

Он улыбается, а я могу лишь продолжать следить за ним.

- Потому что это я, Ширазуми Лио и ты, Микия Кокуто, кто разрушили Реги Шики тогда, три года назад. Ты разрушил то, что было внутри нее, а я сделал то же самое с окружающим ее миром.

Я закрываю глаза. Он прав? Было ли лучше для Шики, если бы мы не встретились четыре года назад? Могли ли мы вместе разрушить Шики сильнее, чем она сама?

- Это было так просто, Кокуто. Привычка Шики гулять ночью в одиночестве оказалось очень кстати. Я следовал за ней, узнавая ее любимые пути. Потом я планировал. Я убивал кого-то, кто будет шататься по тем же дорогам, по которым ходит она, немного впереди нее, так, чтобы тело было свежим. Первые успевали заметить меня прежде, чем я забирал их жизни, но следующие были работой мастера. Они не видели меня. Как тот, которого ты видел после нашего прощания. Ты тогда пошел к особняку Реги. Потребовалось поработать, но время подошло просто идеально – в тот момент Шики возвращалась назад. Кажется, моя голова раскалывается по швам и подавляет меня так, что я с трудом слышу, что говорит Ширазуми. Мое сердце отчаянно стучит, кровь как огонь бежит по телу, и я не знал, что может быть настолько сложно заставить себя дышать.

- Прошлый понедельник, те четыре жертвы... это был ты, - с трудом выдавливаю я.

Он удовлетворенно кивает.

- Да, они были бесполезны. Я убедил их напасть на нее, но Реги лишь вырубил их, не пролив ни капли крови. Реги никогда не переходила границу. Мне нужно было прибраться за ней и убить их всех, чтобы они не проболтались. Но если хоть на мгновение я заставил Реги усомниться в себе, то это стоило всех усилий. Время почти пришло. Прости, что ранил тебя, Микия. Все нормально. Со временем все станет лучше.

На полу лежит нож, и маленький цилиндрический объект - он берет их уцелевшей рукой. Что-то в этом ноже вызывает подозрение. Что-то знакомое есть в его стройной фигуре и мастерствековки... как у Шики...

- Нет. Что ты сделал с ней?

- Ничего такого, что навечно ранит ее. Теперь мне нужен ты.

В его голосе слышно изменение, он становится мягче, более похожим на голос человека, которого я когда-то знал, хотя слова не меняются.

- Забудь о Шики на секунду. Она просто отдыхает этажом выше, и завтра же я отправлю ее домой.

Он подходит ближе, держа в руках оба предмета.

- Давай начнем. Не беспокойся. До этого момента я страдал от провалов, потому что давал им лишь лекарства. Но теперь я вспомнил, что говорил Арайя. Для пробуждения истока нужно согласие обоих вовлеченных. В этот раз я все сделаю правильно. Если хочешь, все это будет твоим. Ты же не станешь провалом, Микия? Ты можешь быть особенным.

Снова нотка волнения в его голосе. Я трясусь головой.

- Стать особенным, но потерять себя...

Я кашляю, обнаруживая, что мне сложно дышать и говорить в одно и то же время.

- Не ты ли мне говорил, что всегда ненавидел все это, Ширазуми?

- Слова, сказанные в пылу момента. Слова можно изменить. Посмотри, что случилось со мной, когда я был пробужден! Я могу делать то, чего не может обычный человек. Я не неудачник, и никто не может сказать, что я слаб. Я делаю, что хочу и живу, как хочу. Это счастье, о котором Лио Ширазуми четыре года назад не мог и мечтать.

Желание стать особенным, превзойти сверстников. Обычное желание. У Ширазуми есть грехи, но это не один из них.

- Такой, как ты, не будет смыт, Микия. Я все еще здесь, все еще Ширазуми Лио. Я освоил этот импульс, и ты сможешь. Не бойся его. Я поглощал вещи, поглощал людей, не под влиянием истока, но по собственной воле.

Это истинное лицо человека, которого ты знал, и ты будешь дураком, если подумаешь, что я лгу. Его последние слова были предсмертными муками проклятого человека, пытающегося выдавить из тебя последнюю симпатию.

Токо-сан всегда предупреждала меня.

- Ты не удивлен? Я хотел увидеть, как изменится твое лицо в этот момент. Почему ты не удивлен, Микия?!

- Потому что я знаю.

- Что?

Его лицо выражает крайнее изумление.

Я не лгал. Я же читал дневник. Я знаю, что его спуск к безумию стал его прощанием с человечностью. Когда человек, которого я знал как Ширазуми Лио, перестал существовать. Он хотел, чтобы я спас его тогда - последнее доказательство его бывшего достоинства, эхо прошлого. И я хочу сделать это, но как?

- Ты совершил много убийств, - начинаю я, - и чтобы убежать от грехов, ты отбросил себя. Ты оправдался любовью к Реги Шики, разыскал ее, чтобы в твоих убийствах был смысл. Но что за это за большая любовь?

- Тихо! – он повышает голос. Он подходит ко мне, все еще лежащему и не желающему двигаться, и пинает меня в спину. Вспыхивает и также быстро исчезает боль, смешиваясь с другими болями в моем теле.

- Мы не обо мне говорим. Мы говорим о тебе.

В его голосе четко слышно раздражение.

Он вонзает нож в землю, используя его, чтобы рассечь цилиндрический объект напополам.

- Плохо, что тебе придется принять так много лекарств за такое короткое время, но ты не оставляешь мне выбора. Благодарю свое собственное упрямство.

Он хватает меня за волосы, поднимает и прижимает к стене. Запихивает наркотик в рот и жует его. Потом, наклонив меня, он прижимает мой рот к своему. Его язык проскальзывает внутрь, принося за собой наркотик. Я не могу сопротивляться. Наркотик спускается по моему горлу. В конце концов, он отпускает меня и смотрит с выражением спокойного ожидания.

- Это все решит. Это десятикратная доза. Твое тело не выдержит ее, это точно. Но прежде чем эффект станет серьезным, ты возьмешь это и запихнешь себе в глотку, - говорит он, доставая красную марку из пальто, и роняет ее на пол рядом со мной. - И ты сделаешь это сам, потому что ты хочешь, потому что нуждаешься в этом. И ты отбросишь себя также, как и я, Микия.

Мое зрение начинает затуманиваться, и все кажется выпадающим из фокуса.

- Так чего ты ждешь? Хочешь быть особенным? Хочешь освободиться из тюрьмы своей жизни? Так почему ты не слушаешь? Ешь, Микия! Ты нужен мне!

Я вижу дозу блачипа на полу, в пределах досягаемости. Я игнорирую ее, но Ширазуми поднимает ее и вкладывает в мою здоровую руку. Когда я не двигаюсь, он начинает заметно злиться.

- Просто прими это, Микия! Иначе наркотик разорвет твое тело на части. Ты просто упадешь замертво, если не съешь это. Выбирай! Умереть человеком или жить чем-то большим. Это даже не выбор. Любой скажет, что ответ очевиден!

Он прав. Для большинства это даже не выбор. И тем не менее, я качаю головой.

- Почему? – спрашивает он, его голос словно выжат из горла. И хотя, наверное, было бы лучше не отвечать, я все же говорю:

- Возможно, это просто не так интересно.

Лицо Ширазуми выглядит так, как будто оно замерзло, и ошибки в его наспех придуманном плане начинают вылезать тут и там. Огонь в моей крови ощущается так, словно он вот-вот вылетит из вен, становясь все горячее до тех пор, пока, я подозреваю, не закипает кровь.

- Когда я смотрю на тебя, Ширазуми, я вижу лишь сломанную вещь. Если стать особенным значит стать тобой, то быть особенным не так уж и круто. Быть особенным не для меня.

В глазах Ширазуми не осталось дружелюбия, не осталось той маленькой теплоты, что все еще была в них. Мои слова укрепили его убеждение, что я враг.

- Что ты несешь? У тебя нет выбора! Я знаю, ты такой же, как все, всегда хочешь быть лучше. Я знаю!

Он негодуяще и недоверчиво кричит, смеется как безумец, нависая надо мной. Я не могу сказать, рожден этот смех паникой или раздражением.

- Как ты вообще можешь говорить такое, Кокуто? Черт, ты серьезно? Ты позволишь себе умереть? Так какого хрена ты ведешь себя так, словно это нормально? Это *ты* сломан, да. Всегда было в тебе что-то не так, я знал это.

- Это с тобой что-то не так, Ширазуми. Посмотри на себя и скажи, что я неправ, - выплевываю я, будто меня заставляет это сделать мое тело. Это не окажет мне услуги в отношении того, сколько мне осталось жить, но если эти слова заставят его задуматься о себе, то может, это тоже неплохо.

- Такова твоя повседневная жизнь. Когда ты первый раз убил кого-то, ты не мог вынести вида своего преступления. Ты сбежал. И ты заставил себя поверить, что убийства можно оправдать, что они неизбежны, ненормальные убийства ненормального разума. Холодный комфорт и слабое оправдание. И ты отдался своему безумию. Ты думал, это будет удобный выход, что-то, что ты сможешь говорить себе. Но дело в том, что даже сейчас ты все еще бежишь.

Вот и все, думаю я. С тех пор, как он впервые убил человека и попал в планы мага по имени Арайя Сорен, Ширазуми Лио был безвозвратно потерян. Он посчитал себя сломанным и стал таким со временем, потом он искал Шики, которая, как он думал, была таким же монстром, как он сам. Его монструозное существование было бы спокойнее, если бы он знал, что есть и другие чудовища, прячущиеся в ночи, такие же сломанные, как он сам.

Ширазуми просто говорит:

- Заткнись, - и сужает глаза. Но если я не скажу ему все, что должен, то мое появление здесь будет бессмысленным.

- Шики растили как инструмент, и она ничего не знала, кроме искусства убийства в течение долгого времени. Но ты принял убийство за опору твоих проблем. От этого несет ложью. Новости неправы, называя тебя смертоносным чудовищем. Шики несет на плечах намного более тяжкий груз, чем ты. Ты не знаешь, насколько тяжело для нее сдерживать импульс, в котором у нее нет выбора. У тебя всегда был выбор, и ты сделал его.

- Заткнись, Кокуто. Я предупреждаю тебя...

- Ты глуп, раз считаешь вас с ней похожими. Ты сломанное зеркало, видящее то, чем никогда не станешь. Ты совершил убийство, но отрицал природу собственного греха. Ты

просто бегаешь, как трус. Ты не убийца и не смертоносное чудовище. Просто бешеный пес по имени Ширазуми Лио.

Он хотел, чтобы его спасли. Но Токо-сан права. Она всегда оказывается права. Его нельзя спасти, как бы я этого ни желал.

- Я велел тебя заткнуть нахер, черт возьми!

Его крик переполнен злостью, произнесен как могущественное проклятье. Он поднимает нож Шики с пола, удостоверившись, что я не могу и не буду двигаться, и поднимает его над головой.

Его дыхание останавливается. Мое тоже. Он оставляет последнее действие своей ярости. Нож опускается. Мгновение ослепляющей боли, когда моя голова кажется готовой расколоться от того, что клинок вгрызается глубоко в бровь, быстро спускаясь через глаз. А потом мир исчезает.

/6

Тело соскальзывает по стене и останавливается на полу. Упав лицом вниз, Микия Кокуто лежит неподвижно. Из его лица струится скользкая яркая кровь, текущая с левой стороны и смачивающая грязный бетонный пол.

Мои руки сжимают нож, покрытый кровью, хотя это не мой нож. Я глупо смотрю на него, замерев на месте, боясь приблизиться к трупу Микии или хоть немного его побеспокоить. Он мертв.

- Прости. Я...это не входило в мои планы.

Мой тихий шепот эхом разлетается по комнате, но только шум дождя отвечает мне.

Слезы появляются у меня на глазах. Единственный союзник старого Ширазуми Лио покинул меня. Давние воспоминания бегут перед взором. Воспоминания о том, как Ширазуми Лио бросил школу, о шутках и сомнениях, угрозах, лекциях от неодобрительных лиц и голосов. Но только Микия Кокуто пожелал мне удачи. Это воспоминание нельзя забыть. Счастье Ширазуми Лио все еще сияет слабым, затухающим маяком внутри. Но теперь этот маяк, притягивавший старые эмоции, тухнет, и тем, кто убил его, был я.

Я знаю, как легко умирают люди. Старый Ширазуми Лио однажды пытался увернуться от этой правды, но к его отчаянию, он столкнулся с ней лицом к лицу в первый раз, когда убил человека. Но сейчас это точно не моя вина.

- Почему ты решил противостоять мне Кокуто? Когда ты был моим единственным другом. Ты знал, кто я такой. Я думал, ты был единственным, кто не станет моим врагом. Даже если мир не принял меня, то, по крайней мере, это мог сделать он. Если бы он был жив!

Он был прав. Не осталось любви к Реги Шики. В ней нуждаюсь только я, смертоносное чудовище. Если бы она была такой же, как я, то что тогда? Особое существование важно только из-за своей уникальности. Чудовище уже решило убить ее, даже если она вернула свое исходное предназначение. Видя, как то, что я потерял, лежит передо мной, я осознаю. Я, убийца, нуждался в компаньоне, и я, Лио Ширазуми, нуждался в Микии. Возможно, единственной причиной того, что старый Лио до сих пор был жив, был он. Когда он стоял передо мной, ломка смягчалась, давление слабело. Теперь он неподвижно лежит передо мной, и я ничего не чувствую

И так часть меня, все еще державшая в себе старого Ширазуми Лио, стихает и тает.

Прости, Кокуто. Похоже, часть меня, в которую ты верил, наконец исчезла.

- Насчет остального... - бормочу я, облизывая губы.

Все хорошо. Я жив. И Реги Шики тоже. И когда она станет такой, какой была раньше, все станет хорошо. О, да. Мне больше не нужен Микия. Разве не этого я всегда хотел? Я справлюсь с импульсом внутри, я знаю, что кто-то подобный мне существует. Я скоро увижу ее. Я выхожу из комнаты, забираясь в главный склад, мой сад греха, где Шики, девушка, которую я так долго любил, все еще ждет.

Кровь злит и манит меня, и я восторженно улыбаюсь. В моем разуме висит ее изображение, которому всего несколько минут, она покрыта потом и слюной, и я сглатываю в предвкушении. Я хочу сделать это с ней прямо сейчас. Когда Кокуто умер, не осталось ничего, что заставляло бы ее поддерживать глупый маскарад. Настоящий убийца придет в самой очаровательной форме.

Таблетки все еще должны действовать. Даже если она в ярости бросится на меня, она не сможет стоять. Никто не смог бы подготовить лучшей сцены. Мой язык трепещет, смакуя мысль. Я хочу сожрать ее внутри и снаружи, начав с кончиков пальцев, перейдя на тело, испить ее вкуснейшего пота, восторгаться ее запахом, вкусом ее внутренностей.

- Пот?

Я останавливаюсь посреди зарослей.

Да, она *потела*, когда я вколол ей наркотик. Но как, почему настолько сильно? Я вколол ей простой миорелаксант. Она не должна была так потеть. словно ее тело использовало пот, чтобы избавиться от токсина...

- Нет. Не может быть.

Я перехожу на бег как только эта мысль появляется в моем разуме, спешу к месту, где я оставил Шики одну. Пробиваю путь через густые кусты. Я добираюсь туда за несколько секунд, надеясь увидеть картину, которую желал.

Но ни слова не вырывается из моего рта. На маленькой бетонной дорожке, в том месте, где марихуана еще не пустила корней, стоит она. С суженными, решительными глазами, контрастирующими с ее подавляющей аурой хладнокровия, Реги Шики стоит передо мной.

17

Даже растрепанная Шики по-своему красива. И потому Ширазуми Лио на мгновение забывает дышать. Наручники, когда-то сковывавшие ее, висят с ее правой руки, как слишком большое украшение. Они не повреждены, ни царапины на цепи, ни разлома в кольцах. Но этого нельзя сказать о левой руке Шики, из которой льется свежая кровь. Похоже, чтобы высвободить руки, ей пришлось прогрызть основание своего левого большого пальца.

Лио Ширазуми довольно смеется.

- Ты и правда лучшая, - говорит он, хотя его смех не может спрятать дрожи в голосе.

- Идеальное чудовище.

Даже его шея трясется, когда он это говорит. Он жалок. Он – один из актеров, но его игрой меня не проведешь. Я уже устала слушать голос этого ублюдка и у меня нет времени слушать его лепет о взглядах на мир.

- Теперь, Реги, давай начнем. Ты связана со мной, - говорит он, приближаясь ко мне уверенными шагами, как мотылек к огню. Но я даже не достаиваю его взглядом.

- Найди кого-нибудь другого, кто будет встречаться с тобой. Потому что я точно не буду. Он не сразу осознает, что я только что сказала, замирает на месте с самым шокированным выражением на лице.

- Что? Но...

- У меня нет ни времени, ни желания бегать по округе с таким психом как ты.

Что бы я вообще делала, если бы была таким же чудовищем? И если это все, что он может предложить, то ему точно нужно поднять ставки. Я знаю, чего хочу уже очень долго. Я хотела, чтобы пустота в моей душе была заполнена. И возможно, мой убийственный импульс никогда не получится заткнуть насовсем, но я думаю, я смогу держать его в узде. Причины *Шики* для убийства и причины **Шики** для убийства были различны. События прошлого лета показали мне это. Я так сильно боролась, искала то единственное ощущение жизни. Но теперь даже это становится бесцветными воспоминаниями, и кто знает, найду ли я его когда-нибудь. Я знаю, что эта маленькая пустота в душе, о которой говорила Токо, уже вовсе не так пуста. И потому я не *Шики* прошлого. Я могу вернуться домой, искать, что значит быть мной, и если я не смогу узнать этого, то путь будет так. Но я не пойду на поводу у удобного оправдания о рождении с убийственной жилкой как способа сбежать от своих проблем. Я должна сделать это ради того, кто заполняет пустоту в моей душе, и ради **Шики**, который пожертвовал собой ради моего счастья.

- Ты же шутишь, да, Реги?

- Черта с два, смертоносное чудовище-сан.

С этими словами я начинаю идти. Мое тело все еще страдает от тошноты, и левая рука дьявольски болит, но даже в этом состоянии я прохожу мимо Ширазуми Лио, как будто он был каким-то незнакомцем на улице. Он даже понятия не имеет, с чего начать, хотя его дыхание начинает становиться громче и громче, пока он пялится на мою спину.

- Так даже ты предаешь меня? – спрашивает он, его слова превратились в тихий шепот в шуме дождя. Да, я не слышу ничего, кроме шума дождя.

- Я не пропущу тебя. Я так много сделал для тебя. Многих убил. И теперь ты выбрасываешь меня как мусор? Это меня ты должна благодарить! Ты должна быть моей! Я слегка шатаюсь, но быстро выравниваюсь и продолжаю идти. Должно быть, из-за наркотиков. Здесь их так много. Я должна выбраться отсюда и ни разу не обернуться. Выбраться отсюда, вернуться в знакомый дождь. Но он снова говорит, в этот раз явно слышимый сквозь шум дождя.

- А, понятно. Возвращаемся к Микии, да, Реги?

В его голосе расплывчатое веселье.

- Так почему бы тебе не остаться? Он уже тут.

Что? Я... Я правильно его расслышала? Нет, не может быть. Он не мог погнаться за мной.

- Т-ты...

Я не могу сказать этого. И хотя я была настроена не оборачиваться, я это делаю. Почему? Когда я была так близка? Я обещала себе, что не будет убийства, что мне просто нужно жить.

- Это твоя вина, ты не хотела помогать мне, Реги. Я попытался найти кого-то немного более... сговорчивого. Конечно, не получилось.

Что он говорит? Его голос кажется таким тихим и выцветшим, а мой слух приглушен громким шумом.

- Это твой нож? Спасибо, что позволила мне одолжить его. Жаль, что я его испачкал. Металлический щелчок, когда он бросает нож мне под ноги. Серебряный блеск испорчен красными пятнами. Чья-то кровь. Его кровь. *Нет*. Запах ее слишком знаком. Запах крови той ночью под тяжелым дождем. Его не забыть.

- Так... ты покинул меня, - говорю я себе под нос, идя вперед. Я должна взять нож.

- Я позаботился о нем. Чтобы ты, наконец, смогла делать то, что должна. Кокуто читал мне проповеди до самого конца. В этом на него можно было положиться. Он нес какую-то чушь о том, что мы противоположны. Забавно, да? Мы же так похожи, ты и я! Дождь стучит по крыше склада раздражающе громко. Я опускаюсь на колени, чтобы взять нож. Кровь на нем свежа, она лишь недавно вытекла из тела. Я потеряла его, так рядом и так близко во времени.

Идиот. Я говорила тебе остаться с Токо. Умереть так бессмысленно... это так на тебя похоже.

Убей Ширазуми, и пути назад не будет, Шики. Он сказал мне сдерживаться, я знаю. И все же зверь, которого он пытался защитить, прирезал его без колебаний. Я видела этого зверя как кого-то, кого я должна прикончить. Может быть, я все-таки была права. Может быть. Я сжимаю руками нож, одна ладонь сжимает обнаженное лезвие. Я стою, держа его у груди. И не поднимая головы, я говорю:

- Ладно. Давай потанцуем.

Я не могу поднять на него глаза. Как и раньше, просто дать ему равный взгляд будет слишком большой честью.

- Ты сказал, что не сможешь простить меня. И на этом условии мы сойдемся, Ширазуми. После этого зверь срывается с места. Я игнорирую его. Он умрет. Или я. Но все это может подождать. Оставшееся тепло крови на клинке зовет меня почувствовать его прежде, чем оно исчезнет.

Лио Ширазуми прыгает, бесхитростно нападавая сверху. Но я не двигаюсь. И в следующий миг, зверь ударяет меня, когти вгрызаются в мою ногу, разрывая плоть и испивая моей крови, прежде чем она разольется по полу. Он пробегает мимо меня. Но я не двигаюсь. Я сжимаю нож изо всех сил, словно это бесценное сокровище. Напоминание о смерти. Тепло крови исчезает, воздух или мое тело крадут его. Умиравшее сердце, прижатое к моей груди. Мое тело тоже холодеет настолько, что я чувствую дрожь. Но боль от раны в боку слаба и далека, как тихое эхо ветра. Потому что я все еще помню боль той залитой дождем ночи, когда я преследовала и ранила его.

*Лишь замороженные вздохи играли между нами.
Пока мы смотрели, как наше дыхание медленно замирает.*

Враг снова ударяет меня, ногти, больше похоже на когти, вгрызаются в плоть другой ноги. Он не торопится убить меня. Он наслаждается собой, играет со своей жертвой. Все-таки у него есть все время мира.

*Даже воспоминание о дожде:
О бесконечной серой пелене, что видели мы после школы,
где я услышала твой свист.*

Он пробегает еще раз, вырывая плоть в бок. Слышен звук разрыва, и звук чего-то, капающего на бетон. Когти вонзаются до костей, и маленькие ручейки крови стекают с моих талии и ног, окрашивая пол в ярко-красный цвет. Даже стоять уже тяжело. Сейчас я вспоминаю **Шики**. Его, и счастливые минуты, которые он проводил с тобой в те ленивые вечера.

*Даже воспоминания о закате:
О классной комнате, залитой оранжевым солнцем,
где мы с тобой говорили.*

Зверь демонстрирует свою силу, свою власть. Он движется быстрее, чем я могу увидеть, и его атаки находят цели, как будто для него мир замедлен. Я никогда не смогла бы сравниться с ним. Я потеряна, как и мое тело. Но моя рука может двигаться. Я должна остановить зверя, когда он сделает четвертую попытку.

*Рядом со мной ты улыбался бы, и этого было бы достаточно,
чтобы успокоить мою душу.*

Он приближается в четвертый раз. Он идет за моей правой рукой. И хотя я видела его, я не смогла заставить себя двигаться. Как я могу убить его?

*Рядом со мной ты шел бы, и этого было бы достаточно,
чтобы закрыть бездну между нами.*

Я теряю слишком много крови, и мир становится темнее. В любой момент я могу упасть. И все же я помню его слова. Я не могу убить Ширазуми Лио. Это его последняя просьба. И только эта мысль сейчас дает мне ценность.

*Однажды, на миг,
Мы остановились в тени,
теплый неподвижный свет пробивался сквозь листья.*

Но я рада. Ты был здесь ради меня, готов вернуть меня на верный путь, когда я сбивалась с него, всегда готовый принять меня. И эти минуты, хоть я никогда этого не говорила, были счастливейшими в моей жизни.

*И там, смеясь, ты сказал однажды,
что мы будем стоять на том же месте.*

Зверь снова приближается, в пятый и последний раз. Он нацелился на шею. Мы оба знаем, что случится. Будет разорвана важная артерия, и моя жизнь вытечет - в тот момент все это закончится.

Это были слова, которых я так долго ждала.

Смерть приближается, и если я обернусь, я увижу, что она гордо и хвастливо улыбается. Каждая царапина, которую он мне наносит, это еще один удар по счастливой лжи, иллюзии мирного существования. И прошлого, которое никогда не повторится, скучной ученической жизни, остатков дней без конфликта, без чудовищ, без безумия.

*Теперь лишь мимолетные воспоминания о днях,
никогда не осуществленных.*

Спасибо. Мне правда жаль.

Я наконец поднимаю голову, глядя моим внутренними глазами, Мистическими Глазами, и передо собой вижу смерть врага, разбегающуюся по его телу.

Я знаю, я потеряю всю себя, в которую ты верил. Но я потеряла и тебя, я любила тебя. И я знаю, что не будет никого рядом со мной, чтобы вытащить меня назад в твой мир. Но все же... но все же... этот дикий зверь убил тебя. И это то, чего я не могу простить.

Мой враг идет, безрассудный и уверенный в победе. Его легко убить. Я слегка двигаю ноги. Пол – вода. И я должна быть легка как лебедь. Тогда конец будет милосердно быстр. Вот и он. Одна рука Ширазуми Лио вытянута, на ней танцует одна из линий смерти. Я позволяю ему приблизиться настолько близко, что чувствую его запах. И когда его рука почти касается моей шеи, я взмахиваю ножом, убивая руку и легко отбрасывая ее, когда она теряет силу. Нельзя терять время. Я переключаюсь на его ноги, опуская руку с ножом широким ударом по линии на его левой ноге, убивая и ее. Он начинает падать, теряя равновесие на мертвой ноге. Потом еще одним быстрым движением – правая нога. И пока он еще в воздухе, я вгоняю клинок глубоко в его грудь одним четким и сильным ударом толкая его на землю.

Нож стоит, словно путевой столб, пронзив его грудь до сердца. Ширазуми кашляет еще раз - и все заканчивается. На его мертвом лице написано удивление, как будто он озабочен тем, насколько быстро он умер, а не тем, что он умер вообще.

Лио Ширазуми лежит мертвый на полу склада, а Шики все держится за клинок, торчащий из его груди, обеими руками, вынужденная для этого опуститься на колено. Свет проходит через окна, приглушенный, пепельный, заливая девушку и труп бледным освещением, в котором она выглядит как психопомп², торжественный и бесцветный. Кровь не течет из трупа. Раны кажутся пустяковыми, если не считать рану в груди. И все же он мертв. Такова сила Мистических Глаз. Нечему вытекать. Единственная кровь, которая заливает пол, течет из собственного тела Шики. Кровь из руки, из ноги, из тела, из ран, которые она все еще пытается выдержать. Ее это не слишком беспокоит. Бывало и хуже.

Даже так, руки, мгновение назад державшие нож, теряют всякую силу, которая оживляла их, и падают к бокам Шики, а она сама падает на спину. Тяжелый вздох слетает с ее губ. Она дышит большими глотками воздуха, сражаясь с болью. Она позволяет телу отдохнуть, чтобы позже позвать кого-нибудь на помощь.

- Бесплезно, - шепчет она себе, глядя на свет неба.

За окном все тот же дождь. «Как всегда зимой, - думает она, - под этими небесами я пачкаю руки кровью.»

Я не могу вернуться домой. Ты разозлишься, если я появлюсь на твоём пороге такая грязная.

- Но я знаю, ты все равно будешь ждать меня.

Ты шел рядом со мной. Ты держал мои окровавленные руки и указывал мне путь домой. Это времена, покрытые туманом, теперь улетают и скоро исчезнут совсем.

Она сглатывает, ее сознание колеблется и дрожит так же, как пламя поминальной свечки, и есть что-то справедливое, думает она, в уходящей жизни. Она выравнивает дыхание, не чтобы жить, но чтобы спать сном праведника. В глазах, пьющих солнечный свет,

² <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BF>

показываются слезы. Она вспомнила старое обещание - плакать, только когда это будет стоить слез. Ничто не казалось более подходящим, чем его смерть. Она закрывает глаза и замолкает. В ее мыслях нет сожаления.

Но это только вопрос времени, когда я сойду с ума так же, как Ширазуми - монстр, попробовавший тепло, не может вернуться, из-за черты, за которой лишь пустота.

Второе расследование убийства – 7

Мир пропал. Так мне сначала показалось.

Я кашляю, выплевывая что-то жидкое, что, кажется, вырвалось из моей груди. Что-то в моем теле не позволяет мне умереть. Первое, что я обнаруживаю, это то, что я могу двигать руками, а затем и всей верхней половиной тела. Мои ноги двигаются, но лишь слегка. Они словно спят, и неважно, как сильно я пытаюсь, я не могу заставить их двигаться так сильно, как хотелось бы. Я ползу к ближайшей стене, хватаюсь за подоконник и поднимаю себя.

Зрение возвращается, но все вокруг туманно, контуры предметов подернуты белым и красным. Мое чувство боли не отстает. Где-то в теле я чувствую боль. Я не могу понять, где точно, но где-то есть тупая, пульсирующая боль. И потом я вспоминаю.

Я кладу руку на левый глаз, и она становится мокрой и красной. Немаленький объем крови. И как ни странно, боль слабее, чем я ожидал. Кровотечение тоже не такое сильное. Может быть, наркотики, которые Ширазуми дал мне, на это повлияли? И все же рана сама по себе ужасна. Последнее воспоминание перед тем, как я потерял сознание – это нож, прорезающий путь от лба до левой щеки, вырезая по пути глаз. Наверное, слишком поздно спасать его. Это чудо, что я все еще жив, и что мой правый глаз не умер вместе с левым.

Опираясь рукой на стену, я продвигаюсь к лестнице, ведущей в главный склад, и карабкаюсь, вынужденный тащить ноги, держась за перила и подтягивая себя шаг за шагом. Наверху, я обнаруживаю, что этаж захвачен травой. Я не готов сходу определить, что это, и в тот момент меня это не особо интересует. Даже среди боли, крови и анестетического эффекта наркотиков в моей голове есть лишь одна мысль.

- Шики, - слово слетает с моих губ как молитва.

Без стены, на которую можно опереться, идти намного сложнее. Склад похож на пещеру, и растения лишь ухудшают мое и так не самое острое зрение. Я делаю шаг, и тут же падаю на землю. Вспышка боли простреливает через все тело, и мир на миг чернеет, прежде чем стать прежним.

Что я делаю? Застрял в окровавленном, искалеченном, израненном теле, в каком-то лимбе между жизнью и смертью. Я могу лишь надеяться, что падение не открыло каких-то уже закрывшихся ран. Подо мной почва. Мои колени гнутся и не подчиняются, так что у меня нет выбора, кроме как ползти. Только тогда я осознаю, насколько велико это здание, и насколько мал я, и как сильно трава может мешать зрению на этой высоте. Я чувствую, будто левый глаза вырывают горячими щипцами, правый глаз показывает мне изображения призрачных контуров, и я никак не могу исправить это.

Сбив дыхание, я на миг останавливаюсь. То, что Шики здесь – лишь моя догадка. Я не должен торопиться, если не хочу себя убить. Так что я медленно продвигаюсь, пытаюсь успокоить мысли.

Если я найду Шики, уже скрестившую клинки с Ширазуми Лио, что я сделаю? *Убей Ширазуми, и назад пути не будет.* Я сказал это ей.

Не будет пути назад. Я не хотел, чтобы она совершала убийство. Потому что я люблю ее. И я хочу продолжать любить ее. Я лишь хотел дарить ей радость. Я не хотел, чтобы она причиняла людям боль. Называйте это эгоизмом. Но даже она питала отвращение к убийцам.

Однажды я сказал, что верю в нее. Так ли это на самом деле или это были просто удобные слова, в которых я что-то прятал? Чем бы это ни было, сейчас я должен поверить в нее и в возможность того, что может быть, она *сможет* вернуться, несмотря на мои слова.

Со скоростью улитки я продвигаюсь по траве, направляясь к центру этого места. Со временем мои руки натываются на место, где почву сменяет бетон. Я оказываюсь на дорожке, где не растет трава, и там, в центре всего этого, я нахожу Шики. Рядом с ней лежит тело Ширазуми Лио, целое, но неподвижное. На первый взгляд, ни один из них не подает признаков жизни.

Значит то, о чем я подумал, оказалось правдой. Ширазуми погиб от твоей руки, Шики. На время я отбрасываю эту мысль. Сейчас я должен узнать, что случилось с ней. С огромным трудом я умудряюсь проползти последний отрезок пути до места, где она лежит. Ее глаза закрыты, ее лицо наконец-то спокойно. Все ее тело в жутких ранах – на ногах, талии и руке, ее одежда и кожа испачканы кровью и грязью. Бледное лицо и мало тепла в ее хрупком теле... и все же ее грудь размеренно поднимается и опускается.

Жива. С облегчением, я оборачиваюсь к Ширазуми Лио. С учетом его состояния, нет сомнений, что он мертв.

Прости, старый друг. Неважно, в какой ситуации ты оказался, ты не заслуживал смерти.

Но ты умер сегодня, и ты единственная жертва из нас троих, кого можно оплакивать.

Однако это не мешает мне радоваться тому, что Шики жива. Я не жалею тебя. Напротив, я проклинаяю тебя. Только из-за тебя Шики пришлось совершить это чудовищное деяние.

Бледный, тонкий палец касается моей щеки, легко скользит по коже и крови. Ее палец.

- Ты плачешь, Кокуто? – спрашивает Шики, оглядывая меня тусклыми, сонными глазами.

На ее лице видно приятное удивление, когда ее рука тянется к ране на моей щеке, и вырезанному глазу. Белые пальцы краснеют. Шики пытается подняться, но стонет и сдается. И я не в том состоянии, чтобы вынести ее отсюда. Так что мы лежим, друг напротив друга, глядя в глаза.

Лишь наши замороженные вздохи играют между нами.

Пока мы смотрим, как наше дыхание медленно затихает.

- Я убила Ширазуми, - шепчет Шики.

- Да, - киваю я.

Она поворачивается к останкам Ширазуми Лио в последний раз, глядя на самую ужасную вещь, на которую она способна, потом поворачивается к небу за окном.

- Так много я потеряла, и так много еще могу потерять, - говорит она грустным, пустым голосом.

Она думает, что потеряла что-то важное, что потеряла себя. Может быть, она думает, что потеряла меня. Как сказал ее дед. И следуя этим словам, она думает, что встретит смерть одна, в пустынном месте.

- Неважно. Я говорил тебе. Я понесу их вместо тебя.

Капля крови падает на лицо Шики, красная слеза грешника. Прошлым летом я пообещал тебе это, а ты впервые улыбнулась под дождем. Я сказал, что понесу твои грехи вместо тебя.

Так что я буду держать это в себе. И до дня своей смерти ты никогда не будешь одна.

- Но я убийца.

Голос слаб, едва слышный шепот девушки, винящей лишь себя и готовой вот-вот расплакаться, как ребенок. Она знает, что грех никогда не исчезнет, неважно, как сильно она просит о прощении, ее скорбь вернется к ней. Даже я думаю, может ли прощение прийти ко мне, для других людей этот вопрос просто неразрешим.

- Я говорил тебе, что убийство – это последняя черта, которую ты пересечешь. И все же ты пошла вперед и пересекла ее. Ничему не учишься? Может, я просто сам маленький переход. И не думай, что слезы вытащат тебя из этого.

- Хех. Бессердечный засранец.

- Да. Твои маленькие фокусы тут не работают.

По этим словам, этой отличительной манере речи, я понимаю, что она вернулась. Она тоже это знает. В ней теперь есть спокойствие. Она слегка улыбается и облегченно закрывает глаза, так спокойно, что можно подумать, что она спит. Еще одна красная слеза падает на ее щеку.

Я беру грязную и окровавленную девушку своей почти онемевшей рукой и, обнимая ее за плечи, помогаю подняться. Я обнимаю ее и прижимаю к себе так сильно, что если бы смерть пришла за нами, ее бы она получила в последнюю очередь. И сжимая ее в объятьях, я обещаю ей кое-что.

- Шики... я никогда не отпущу тебя.

Слова тают в бесконечном дожде. Возможно, слова неважны. Возможно, в них никогда не было смысла.

Возможно, все, что сейчас важно, это то, что я могу прижать ее к себе, и что ее руки обнимают мою спину, возвращая объятья с краткой силой, которую я чувствую в ее руках.

Февраль пришел и ушел, но зима все еще околдовывает город. Температура очень низкая, и новости говорят, что завтра будет снегопад. Даже сейчас, в начале марта, последний шепот зимы чувствуется сквозь кожу. Весна кажется все еще далеким сном.

Смертоносное чудовище, угрожавшее миру и покою улиц, мертво, - найдено полицией умершим по неизвестной причине. Официальное заявление говорило, что его сердце просто остановилось, прежде чем был нанесен удар в сердце, и что в любом случае он лишь едва промахнулся. Озадаченные судмедэксперты с сомнением объявили, что это какая-то передозировка, и что ранам и следам порезов на теле суждено преследовать какого-нибудь несчастного детектива из отдела убийств, пока дело не будет брошено в папку и закрыто в шкафу, холодное и забытое.

Той ночью я доставила Микию в госпиталь - он был слишком сильно изранен – а сама пошла к Токо за сменной рукой. Палец, который я откусила, был протезом, которым Токо давно обеспечила меня, так что его легко было заменить. Домашний врач Реги знал, как быстро я восстанавливаюсь от подобных ранений, и не посоветовал ничего особенного. Конечно, до конца февраля я почти восстановилась, пока Микия все еще был на больничной койке, где ему нужно было оставаться две недели.

Ну, до сегодняшнего дня. Сегодня он наконец выберется из больницы, которую, как он много раз заявлял, ненавидит. И потому сейчас, укрытая тенью большого дерева около той самой больницы, я храбро встречаю холодную погоду и жду. Отсюда я вижу холл национальной больницы и смотрю, как машины ездят по эллиптической дороге вокруг, приезжая и уезжая, в то время как люди проходят через вход.

Я жду два часа пока, наконец, не замечаю мужчину, одетого во все черное, выходящего из дверей. От брюк до куртки, он одет в им выбранный цвет, его единственная уступка моде.

Я вижу белую точку на его руке, что меня на миг удивляет, но потом я замечаю, что это бинт. Когда он выходит из больницы, он оборачивается в последний раз, чтобы поклониться каким-то медсестрам и врачу, прежде чем быстро направиться ко мне. Я не зову и не машу ему рукой. Только жду.

- Ни единого визита в больницу, - говорит Микия Кокуто, изображая недовольство.

- Это все твоя глупая сестра Азака. Она сказала, что убьет меня, если я покажусь в больнице, и мне кажется, она не шутила, - я точно также хмурюсь с выражением разочарования.

- Надежная, да? - кивает он. - Так поехали? Возьмем такси?

- Как будто тут три футбольных поля до станции. Ладно тебе, тут недалеко, и это полезно для твоих ног.

- Как хочешь. За все поломанные кости я буду винить тебя, - добавляет он, прежде чем пойти вперед. Я иду справа от него.

После этого все становится почти таким же, как было всегда. Мы говорим, как раньше, идя от одного места к другому; в этот раз мы идем к станции. Я бросаю взгляд на лицо Микии. Он отрастил волосы. По крайней мере, с левой стороны. Его челка теперь достаточно длинна, чтобы покрыть левый глаз и большую часть щеки.

- Твой левый глаз... - мой голос затухает.

- Да, пропал. Шизуне была права. Помнишь ее?

- Девочка, видевшая будущее, с которой мы однажды встретились? Да, помню.

- Она мне сказала кое-что интересное. Что если я останусь с тобой, то встречу жестокий конец. Она была права. Мой глаз определенно встретил.

Он смеется, кажется, довольный собственной шуткой. Я не знаю, как нужно реагировать на столь глупую остроту.

- Мой правый глаз в порядке, так что это не очень важно. Сложно будет приспособиться к восприятию глубины, только и всего. Кстати, можешь перейти на левую сторону? Я все еще не привык к этому ощущению, так что если ты будешь с той стороны, я буду чувствовать себя намного увереннее.

Он не ждет моего ответа и быстро смещается так, чтобы я оказываюсь слева, после чего опирается на мое плечо.

- О-о-о, стоп, что ты вытворяешь? - удивленно спрашиваю я. Он снова хмурится, глядя на меня.

- Что? Будешь импровизированным костылем. Придется тебе позаботиться обо мне, пока я не привыкну, - объясняет он, как будто это естественно. Я отвечаю на его взгляд своим угрюмым взглядом.

- Да ну тебя. Почему я должна терпеть все это?

- Потому что я хочу этого. Но если ты не хочешь, просто скажи.

В больнице с ним что-то случилось, думаю я, если он настолько легко говорит такое. Мы палимся друг на друга, и впервые я не выдерживаю первой. Я отворачиваюсь от него, пытаюсь спрятать пылающие щеки.

- Ну ладно, - отвечаю я ворчливо. Микия смотрит на меня с улыбкой. Оптимизм, должно быть, у него в крови. И он становится заразным. - Но с завтрашнего дня мне нужно ходить в школу.

- Прогуляй денек. В любом случае скоро весенние каникулы. Уверен, учителя поймут.

- Чего?

Микия меня-не-волнует-ты-должна-быть-в-школе Кокуто предлагает мне прогулять? Теперь я точно знаю, что в больнице что-то случилось. Может, потом я даже спрошу его об этом. Сейчас я только смеюсь в ответ.

- Эй, я вообще-то не шутил.

- Я знаю, блин, я знаю, - смеясь, объясняю я. – Я просто думаю, что это довольно эгоистично с твоей стороны.

Он странно улыбается.

- Ты права. Несколько лет назад я влюбился в тебя, не говоря тебе ни слова. И в этом духе, я надеюсь, ты позволишь мне влезть в твою жизнь еще разок или два, - говорит он без тени сомнения на лице. В моей голове вертится краткий и остроумный ответ, но сейчас я предпочитаю его там и оставить. Потому что, по крайней мере, *Шики* прошлого...

- Хм? Что-то не так, Шики? А, тебе некомфортно? Ты всегда говорила, что не любишь подобные фразы.

Он кажется слегка разочарованным. Я планировала помолчать, но какого черта. Хоть раз я смогу сказать ему прямо?

- Да нет.

Я отворачиваюсь от него, пытаюсь найти в себе силы сказать это, не выставив себя полной дурой.

- *Шики* могла ненавидеть их. А я... ну, можно и послушать.

А, черт. Я знала, что буду смущаться. Никогда не позволяла себе говорить *такого*. Я оборачиваюсь к нему, хотя кажется, что он в первую очередь удивлен, как будто только что увидел кита в небе. Я хватаю его за руку, чтобы разбить заклинание, и тяну вперед, ускоряя шаг, спускаясь по склону холма. Станция прямо впереди, а после нее и дом. Рука, которую я держу, отвечает хваткой, не уступающей моей по силе, и по какой-то причине даже такая мелочь делает меня счастливой. Я сопротивляюсь желанию улыбаться во весь рот.

Когда мы добираемся до станции, то едем к такому знакомому, исхоженному городу серых башен и стеклянных стражей, темных улиц и неопределенных сущностей, где сотни новых историй рождаются и заканчиваются каждый день. Дорога домой далека и ветрена, на ней легко заблудиться, если ты не знаешь пути. К счастью, мне есть, с кем идти по этой дороге.

В этот раз моя рука тянулась не к ножу. Она тянулась к руке, которой я желала. И что бы ни ожидало нас в будущем, я не думаю, что когда-нибудь отпущу ее. И так, моя история заканчивается здесь. Я нашла мир в настоящем и прошлом, и теперь время жить будущим. Осталось только дожждаться конца сезона. Я никогда так не ждала конца зимы и прихода весны, никогда не наблюдала важности их смены.

Но теперь я смотрю и жду с великим предвкушением.

Граница пустоты

В этот момент город засыпан снегом, худшим снегом за четыре года, и что еще хуже, он идет в марте. Такой толстый слой снега и такая низкая температура - никто бы не удивился, если бы весь город замерз. Даже ночами белые точки томно спускаются на крыши и улицы, не демонстрируя ни намека на таяние, словно небо решило устроить нам новый ледниковый период.

Сейчас полночь как раз одной из таких холодных ночей.

На улицах не видно ни тени, и бесконечная белая пелена снега пробивается лишь светом уличных фонарей. Должно быть темно, но даже тьма не может противиться белизне. В этой сцене контрастом виден парень, гуляющий в сей поздний час. У него нет особой цели. Что-то позвало его сюда, провидение, обещавшее что-то в столь хорошо ему знакомом месте.

Он идет спокойно, так, словно время не имеет значения, держа над головой свой черный зонт. И, в конце концов, он натывается на девушку, стоящую там же, где и четыре года назад. Одетая в кимоно, посреди пустынной белой ночи, девушка безучастно смотрит в пустоту. И как и четыре года назад, парень зовет ее.

- Привет.

Девушка в кимоно медленно оборачивается, чтобы бросить на него взгляд через плечо, и сладко улыбается.

- Добрый вечер, Кокуто. Давно не виделись, правда? – спрашивает странная Шики Реги в то время, как нежная улыбка на ее губах говорит о прошлом, в котором она знала парня. Голос сердечен, но не интимен.

Парень смотрит на нее, видя внешность знакомой ему Шики - но это не она. И не давно умерший **Шики**. Это кто-то совершенно иной.

- Я знал, что это ты. Я чувствовал, что мы встретимся друг с другом. Шики сейчас спит?

- Можно и так сказать. Слова сейчас предназначены только для тебя и для меня. Ленивая улыбка покоится в уголках ее губ.

- Так кто ты такая на самом деле? – спрашивает парень.

- Я есть я. Два индивида, названные Шики, живут внутри, но я не являюсь одной из них. Я та, что живет в пустоте меж двух сердец, двух разумов, двух душ. Или возможно, можно сказать, что я и есть эта пустота.

Ее рука слегка касается груди, когда она закрывает глаза, почти как в молитве.

- То, что противоречиво. То, что ненавидимо. То, что нетерпимо. Прими эти вещи и все иные, и никогда не будешь знать боли. Но есть и иное. То, что гармонично. То, что желаемо. То, что дозволено. Отбрось эти вещи и все иные, и не будешь знать ничего, кроме боли.

Парень осознает, что она говорит о том, чем была Шики, когда *Шики* и **Шики** существовали в ней одновременно.

- Одна соглашается, один отрицает, - продолжает странная девушка. – Она завершена, но изолирована. Одна. Не согласен? Один цвет, идеальный и незапятнанный, таков лишь потому, что не присоединился к другим. Он не может измениться, вечно оставаясь тем же. Этим они были. Две противоположности, исходящие из одного единого первичного истока. Пропасть между ними пуста. И в ней живу я.

- Так зачем ты позвала меня сюда, Шики? О, ты не против, если я буду называть тебя «Шики»?

Парень наклоняет голову, показывая замешательство, но девушку это не волнует.

- Вовсе нет, - отвечает она. – Реги Шики – это мое имя. Я буду польщена, если ты будешь звать меня моим именем. Возможно, это даст мне значение.

Что-то есть в ее голосе, думает парень, что кажется одновременно детским и взрослым. Они так и говорили какое-то время, минуты утекали за бессвязными мимолетными разговорами: парень говорил с ней с каким-то чувством знакомства, а девушка слушала внимательно с размытым удивлением, как будто ничего не изменилось. В чем-то это так и есть. Хотя девушка знала, что она безнадежно *отличалась* от парня.

- Так, давай спрошу прямо. Шики не помнит, что случилось на этой дороге четыре года назад? – внезапно спрашивает парень. Это было то время, вспоминает он, когда они оба еще учились в старшей школе. Он вспомнил, как спрашивал *Шики*, когда они встретились снова в школе, встречались ли они раньше. *Шики* лишь ответила, что она не помнит.

- Боюсь, что нет. Я отличаюсь от нее. *Шики* и **Шики** были двумя сторонами одной медали, и их воспоминания были переплетены. Но я являюсь отдельной сущностью, так что Шики не вспомнит слов, которыми мы обменяемся сегодня ночью.

- Понятно, - бормочет он с некоторым разочарованием.

Он встретил ее в марте 1995. Они столкнулись на этой дороге, в день такого же холодного снегопада, как и сегодня, когда оба поступали в старшую школу. Он шел домой, когда заметил одинокую девушку на тротуаре, неподвижно стоящую и глазающую на звезды. Он на время забыл о своих планах дойти до дома и лечь спать, когда поприветствовал ее простым «добрый вечер», как будто приветствовал старого хорошего друга. Снег тогда был также красив, как и сейчас; достаточно красив, чтобы пересеклись пути двух незнакомцев.

- По правде, я должна кое-что спросить, Кокуто. К сожалению, это будет самым важным, самым последним из вопросов, которые я когда-либо задам тебе. За этим я и пришла. Девушка смотрит на парня глазами, возраст которых противоречит ее внешности.

- Чего ты желаешь? – мягко спрашивает она. Вопрос оказывается неожиданным, и парень не может сходу найти слов для ответа. Девушка хранит ее механическое, почти довольное выражение лица.

- Загадай желание, Кокуто. Желания людей просты, и, кажется, Шики ты особенно понравился, так что я дарю тебе эту привилегию. Чего ты желаешь? – повторяет она. Девушка протягивает парню руку, ее глаза – бездонный колодец, пьющий пустое небо, которое будто смотрит в бездну и отражается в этих нежных глазах, отделенных от обычного мышления человечества. Казалось, оно смотрит в глаза богу.

- Я не знаю... - отвечает он, его голос становится все тише, пока он размышляет. Он смотрит в ее глаза, не с интересом, но с чем-то, похожим на веру. - Я думаю... мне ничего не нужно, - наконец уверенно отвечает он.

- Да, - разочарованно шепчет она, почти вздыхая. Но в ее голосе есть и тень облегчения. - Да, думаю, я знала, что ты это скажешь.

Ее глаза отрываются от парня и возвращаются к белой тьме, где, кажется, она чувствует себя уютнее.

- Откуда ты знаешь, если ты не Шики? – заинтересованно спрашивает он. Девушка отвечает лишь благодарным косым взглядом и кивком.

- Просвети меня. Расскажи мне, где в человеке живет его характер, - неожиданно спрашивает она так буднично, будто бы интересуется завтрашней погодой, как будто она знает и любой ответ парня не удивит ее. И все же парень кладет руку на подбородок и пытается выглядеть мыслителем.

- Ну, если мне нужно ответить, я думаю... ну, без сомнений, он соединен с разумом и сознанием, так что это часть мозга.

Сомнение в его голосе ясно, как день. Неудивительно, что девушка качает головой.

- Нет. Душа живет в воспоминаниях, и в свою очередь оживляет нас. Но это не значит, что ее нужно кормить лишь электричеством, чтобы продолжать ее сон об этой хрупкой реальности, лишенной тела, чтобы хранить ее. Маг, которого Шики однажды встретила, думал, как и ты, что характер человека живет в его разуме. Это ошибка. Ты, твой характер, сама твоя душа, сформированы мучениями, обрели форму в твоём теле. Личность не вырастает сформированной просто из разума и сопровождающего его сознания. Через наши тела, получая доступ ко всему опыту, мы вступаем в наше драгоценное самосознание, где мы формируем наши характеры как интровертов, экстравертов или любой другой архетип. «Личность», сформированная одним разумом, не сможет даже осознать, что она есть. Такая вещь больше похожа на калькулятор. Если нет личности, необходимо создать таковую, начав с нуля.

- И все же вместо того, чтобы тело появилось из существования сознания, оно создается прежде, чем родится сознание. Но само тело не несет разума. Тело просто *есть*. Но даже внутри такой простой вещи нечто направляет его, соединяя с первичным истоком. Я выросла из таких истоков, рождена разумом, возвращена вместе с двумя другими. Парень кивает. Он уже слышал об этом, что есть три вещи, которые нужны человеку, чтобы жить: дух, душа и тело. Эта девушка была истинной сущностью Шики, которую маги называли истоком человека. Нечто из небытия, пустоты, чья-то первичная природа. Девушка опускает глаза, выглядя так, словно она прочитала мысли парня.

- То, что я есть, характер, рожденный не разумом, а телом, в корне отличается от *Шики* и **Шики**, кто росли из ее разорванного духа. Я – сила за ними, но я бессильна перед ними. Она воплощение *реги*, двух крайностей, символ инь и янь, обретший тело, великий

континуум динамизма и энтропии. Я – граница пустоты посередине, канал, который позволил им иметь единые мысли. Я их начало и я их конец, соединяющий их со спиралью истока. Без меня они были бы лишь расколотыми и разбитыми сущностями. Девушка улыбается смертоносной улыбкой, пронизанной чем-то, напоминающим холодную жажду крови.

- Не удивляйся, если скажу, что плохо тебя понимаю, - комментирует парень, - но из того, что я понимаю, это ты сделала возможным существование двух Шики.

- Суть этого, я полагаю. Исток никогда не проявляет себя. По правде, я должна была отмереть еще давно, ненужная и чуждая часть тела. Мой исток – пустота, и я никогда не смогла бы обрести разум или великое значение. Но у династии Реги были иные планы. Они воспользовались своей скудной магией и дали мне разум. *Шики* и **Шики** появились из нужды защитить меня от их опытов.

Шики и **Шики**, инь и янь, добро и зло. Парень вспоминает, что маг Аозаки Токо говорила ему однажды: они были разделены не ради конфликта, но ради выгоды; желания династии Реги преследовать их таинственные амбиции.

- Насколько опасно-неразумные игры они ведут, эти династии, - продолжает девушка. – Я должна была умереть прежде, чем вышла из чрева, но вместо этого они дали мне чувство себя. Понимаешь, любое животное приходит в мир с телом и разумом, стоящими друг друга, но я, рожденная из истока пустоты, должна умереть. Я не должна была существовать. Токо рассказывала тебе об этом? Об инстинктивной способности реальности сражаться с иррациональным и противоестественным исключительно через консенсус. Произошедшая из такого необычного истока, как пустота, я бы захлебнулась прежде, чем Шики получила бы хоть толику сознания. Но династия Реги имела заклинания, которые заставили меня бодрствовать, и так я и сделала, и исток пробудился в *Шики*. Через него я могла видеть материальный мир. Но я посчитала это слишком скучным и передала ответственность *Шики*. Не понимаешь? Насколько реальность предсказуема и насколько слабы и гибки правила, связывающие ее?

Ее глаза просты и невинны, и все же кажется, что они вот-вот жестоко и издевательски посмеются над всем.

- Но даже у тебя есть своя воля, - утверждает парень, почти с жалостью глядя на девушку. Она кивает и отвечает,

- Именно. Но это не большой сюрприз. Все имеет исток, который несет маленькую искру интеллекта, но она никогда не проявляется в начале жизни. Это разум человека должен нести первую ношу и превратить ее вместе с телом в личность. И потому маленькая искра разума истока теряет значение и исчезает. И личность человека, ничего не знающая об истоке, создавшем ее, решит в своем неведении, что личность сформирована лишь разумом. Порядок в моем случае казался совсем иным. Но, по крайней мере, я могу поблагодарить Шики за нашу маленькую беседу сегодняшней ночью. Без воспоминаний, в которые можно было бы вторгнуться, я не смогла бы понимать слова, а тем более вести беседу. Я была бы просто маленькой искрой, чья ценность стремится к нулю.

- Понятно. Так без Шики ты не смогла бы видеть окружающий мир потому что...

- Потому что я простой механизм, работающий на командах чего-то внутри меня, да. Просто сосуд, чей взор обращен внутрь, тело, соединенное со смертью и энтропией, и тем, что маги называют Записями Акаши или спиралью истока. Никчемное соединение, по моему мнению.

Она делает один маленький шаг вперед, протягивает руку и слегка касается левой щеки парня, легко, как перо. Ее бледные пальцы отодвигают челку, обнажая ужасный шрам под ней.

- Но в эту минуту я могу оказаться полезной. Я могу заставить рану исчезнуть. Я могу помочь кому-то, что-то изменить в мире. Но ты сказал, тебе ничего не нужно.

- Правильно. Я знаю, как хорошо Шики умеет уничтожать вещи, и кажется немного странным и подозрительным, что ты спрашиваешь об этом.

Парень просто улыбается, не зная сам, насколько серьезно его утверждение. Девушка отворачивается от него, как от обжигающего солнечного света, и убирает руку, снова прижимая ее к груди.

- Понятное наблюдение. Шики во многом существо разрушения. Я думаю, ты все же не можешь видеть меня как нечто отличное от нее. Мой исток пустота, и потому Шики может видеть смерть всего. Когда Шики два года спала, когда ее чувства были разбиты и мертвы, она смотрела в пустоту внутри нее так долго, что познала приветственные объятия смерти. Шики плавала в бесконечной бездне спирали истока, одна в пустоте, где она пробудилась. И неважно, сколько она отрицала это, ее душа взывала к этому базовому порыву, тому голосу внутри нее, говорившему, что она могла убивать. Ее сила исходит из этого. Во многом как Асагами Фуджино, ее Мистические Глаза заставляют ее играть в игру, отличную от той, что играют обычные люди. Ее Глаза выразили ее соединение со спиралью истока через смерть, призыв предначертанной энтропии всех вещей и ее проявление. Но мое соединение намного сильнее. Оно позволяет мне видеть все несколько... *иначе*.

Она говорит последнее слово со смесью восторга и печали, и парень ощущает, что даже хотя она объясняет, она знает, что ее слова никогда по-настоящему никого не достигнут.

- Спираль истока есть первичное начало всех вещей в реальности. Все вещи проходят через великое колесо, их природа и их история – прошлое, настоящее и будущее – соединены с ней. И потому это безграничное и пустое место. Оно в чем-то отражает то, чем я являюсь. Я соединена с ней, и я часть ее. Я и *есть* она. И потому величайшие деяния, о которых маги могут только мечтать, мне доступны. Я могу изменить структуру атомных частиц. Я могу изменить эволюцию, превратив мир во что-то совершенно иное. Все создание танцует под ритм и мелодию тайной Магии. Я могу изогнуть правила этой лживой реальности, этой тюрьмы, из-за которой спит столько разумов. Я могу сломать их так же легко, как прут. Я могу переделать мир. Я могу уничтожить мир. Я могу создать совершенно новое единое полотно.

И, словно ища самого неподходящего завершения предложения, она тихонько хихикает, смешок презрения, настолько же зловещий, как и ее улыбка.

- Но нет смысла в таких действиях. Разрушение лжи – утомительная работа, и я не нахожу ее отличающейся от сна. И потому я предпочитаю не видеть ничего, ни о чем не думать, жить во сне без снов, в добровольной неподвижности. Весьма отлично от мечты Шики. Девушка иногда бывает столь прозрачна, ты так не считаешь? Я вижу ее насквозь, как и все остальное. Ее, реальность... даже себя.

Ее голос превращается в шепот посреди бесконечной ночи, ее глаза сфокусированы на ней с такой интенсивностью, что кажется, будто она никогда не сможет еще раз увидеть ее. Возможно, так и есть.

- Но что я могу сделать? – спрашивает она себя. – Я всего лишь тело, привязанное к ее сну. Ей принадлежит материя, а мне душа, мы делим тело, соединенное с великой

Акашей. Я знаю обо всем, что случилось и что случится, и это горькая, бесполезная скука, достаточная, чтобы закрыть глаза на все это. И все будет как раньше. Я буду спать, не видя снов, не думая, в вечности. Я молюсь о том, что когда энтропия заберет это тело, мечта будет продолжать жить, и я буду жить вместе с ней.

Снег падает спокойно, погребая ее слова.

Парень ничего не говорит, просто смотрит на лицо девушки, пока она осматривает ночь. Заметив это, девушка говорит скованным, почти ругающим голосом:

- Глупо, да? Но не о чем беспокоиться, уверяю тебя. То, что ты рядом, делает меня настолько счастливой, что я расскажу тебе еще одну вещь. Шики не понимает себя. Она никогда по-настоящему не любила убийство. Ее импульс исходит от меня, ее истока. Не бойся ее, Кокуто. Она не смертоносное чудовище. Только я. Всегда я.

Улыбка, кажется, говорит парню своим озорным движением, что это секрет между ними. Парню остается гадать, как кто-либо вообще может ему поверить. Как он может рассказать кому-то секрет, хранимый между ним и душой, рожденной из первичного разума? Кто вообще такое выслушает?

- Боюсь, скоро мне нужно будет уйти, - говорит девушка. – Я спрошу еще раз, Кокуто, ты ничего не желаешь? Даже когда твой путь пересекся с путем Ширазуми Лио, ты выбрал путь сдержанности, и держался его до конца, когда нужный выбор был ясен. Это очень странный выбор, должна сказать. Ты не хочешь ничего лучше этого?

- Нет. Здесь, прямо здесь, вот так... все хорошо.

- Может и так, - шепчет девушка. Она смотрит на него почти завистливо, и думает. Люди рвут и царапают ради ответов, создавая бесконечную спираль конфликта. Реги Шики воплощает это. И все же вот парень, человек, который озадачивает девушку. Никого не рая, даже себя, не беря ничего, не прося ничего, он стоит посреди бьющих его ветров и волн, расплавляясь в потоке времени до тех пор, пока не сделает последний вздох.

Обычная жизнь.

Возможно ли жить такой жизнью? Конечно, не с самого начала. Возможно, он тоже в чем-то «особенный». В конце все все-таки различны, ведя жизни, чей смысл проистекает из них самих. Зерно всегда то же, но это они направляются разными курсами, становясь лордами своих собственных границ пустоты, сторожа свою нормальность. Иногда люди переступают через границы, иногда нет. И все же они живут.

Между парнем и девушкой воцаряется долгая тишина. Великая белизна словно зовет ее, пока она размышляет.

Никто никогда не попытается понять его, никто не уделит ему и дня. Всегда нормален, никто не всмотрится в него глубоко. Не ненавидимый, не имеющий никого, к кому можно приблизиться. И все же - для Шики символ счастья. Кто из них по-настоящему одинок?

Никто не сможет ответить.

Хлопья снега плавают в воздухе, девушка пребывает в трансе. В ее глазах видно тихое сожаление. И потом она что-то бормочет себе под нос, так тихо, что кажется, будто эти слова предназначались ей одной, и никогда не должны были слететь с ее губ.

- Он будет жить обычно, и умрет обычно. Как одиноко, - говорит Реги Шики, вглядываясь во тьму, в которой нет начала и конца.

Слова прощания едва слышны.

Парень проводил девушку, зная, что они никогда не встретятся. Снег не ослаб, погребая тьму маленькими белыми осколками, мягко колеблющимися, как крылья усталых бабочек, падающих на землю.

- Прощай, Кокуто, - сказала девушка перед тем, как уйти. Парень не смог ничего ответить.

- Глупая я. Я знаю, завтра мы снова встретимся, - сказала девушка перед тем, как уйти.

Парень не смог ничего ответить.

И после этого, долго, дольше, чем он мог сказать, он стоял на опустевшей улице, глядя в зимнее ночное небо. Только на рассвете он закончил свои поминки по девушке.

И даже теперь, когда голубо-желтый свет выглядывает из-за горизонта, снегопад не слабеет и не прекращается. И когда казалось, что весь мир будет погребен в белизне, он начинает пробираться домой, с каждым шагом под его ботинками хрустит снег. Черный зонт колеблется, парень, держащий его над головой, сейчас единственная тень на всей улице.

Посреди белой зимы черная фигура – единственный контраст. И она медленно колыхается, качаясь из стороны в сторону, пока ее не становится сложно заметить. Не отяжеляемый одиночеством, парень не останавливается.

Все так, как и раньше, как и четыре года назад, когда он впервые встретил ее на своем пути. Две одиноких фигуры, делящих пустынную дорогу, их души холодны, сладки и пронизаны песнями зимы.

ПЕРЕВОД: CHERNOB
КОРРЕКТОР: ROSETAU

